

TOPREADING.RU

ЧИТАТЬ ОНЛАЙН
БЕСПЛАТНО

"Нина Дашевская - Я не тормоз"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке**

Topreading.ru

Нина Дашевская

Я не тормоз

— Игнат, ешь медленно! Жуй, Игнат! У тебя тридцать два зуба для этого!

— Двадцать восемь, — говорю я. Правда двадцать восемь, я считал.

Я и сам себе говорю — ешь медленнее! Потому что съел и сидишь, а остальные ещё жуют.

Если один дома, то нормально, поел и пошёл. А если люди? Сидишь, а они едят, едят...

Тогда достаёшь телефон, потому что скучно же смотреть, как другие едят! Папа меня страшно ругает за телефон этот. Но он редко дома бывает.

А в школе я стараюсь есть один.

Но тут у маминой подруги Жени был день рожденья, и она нас с Лёвкой тоже взяла. И вот тут я говорил себе: ешь медленнее! Но не получалось медленно, вкусно ведь! А Женя эта мама всё говорила — а, ты уже всё съел! Растущий организм! Я тебе ещё положу!

Я отбрыкивался, а она всё равно. А потом ещё торт!

В общем, я объелся, как никогда в жизни. Там один дядька за столом смешное рассказывал, а я даже смеяться не мог!

Никогда в жизни не буду столько есть. Люди в некоторых странах вон голодают, а я продукты перевозжу...

* * *

Левой, правой. Самое лучшее на свете — ролики эти. На них у меня голова проветривается. Лечу, рассекаю... Воздух свистит, я чувствую его, воздух. Только не наушники, это не люблю: тогда я теряю окружающий мир, и страшно. И потом, отвлекает.

Наушники я люблю дома. Будто отгородился ото всех и сидишь один со своей музыкой.

А на улице не люблю уши затыкать. Я люблю город слышать. Я его люблю, город свой. На роликах очень круто по нему: левой, правой! Если бы только машин поменьше. Я читал, в Стокгольме так: машин мало, и все на велосипедах.

Но велосипед у нас негде хранить. И поднимать неудобно на девятый этаж. А самокат или ролики — пожалуйста.

Я решаю обычно так: если мне потом в метро, то лучше самокат. Если же можно без метро, то ролики проще. Быстрее. Но это если лестниц нет на пути. Вообще можно будет исследовать, что лучше. Самокат vs ролики. Когда-нибудь займусь. В школе можно, там часто времени полно. Если не забуду.

* * *

— К доске пойдёт Зайцев, — все вокруг тихонько хихикают. Ну и что, и что. Сколько уже можно, надоело.

Иду к доске, решаю задачу эту. Простая.

— Игнат, куда ты торопишься? На поезд опаздываешь?

— Я не тороплюсь, — пожимаю я плечом, — я как всегда...

В общем, пропустил я действие. Ну и что; ответ-то правильный. Я в голове уже потому что сосчитал и забыл записать. Руки у меня не успевают за головой.

— Ладно, — говорит она, — пять с минусом. Хотя вообще это ошибка.

— Ответ же правильный, — говорю.

— Решение тоже имеет значение. Мне нужно видеть, как ты мыслишь.

Ещё чего. Чтобы кто-то видел... Мои мысли — моё личное дело, нечего...

— Ой, Игнат, а почему тебя в журнале нет?

— Потому что я не Зайцев, а Волков, — говорю в стотысячный раз. Никогда не запомнят, я уже не поправляю. Иду на своё место и задеваю ведро; оттуда вываливается швабра и лупит меня по голове.

Опять.

Это мои грабли, швабра эта.

— Зайцев! Тебе самому не надоело в классе клоуном быть?!

— Я Волков, — говорю я.

Вот скажите, это такие похожие фамилии, да? Заяц и Волк — это совсем-совсем одинаковые звери. Да? Или мне не подходит фамилия Волков?!

* * *

Может, если бы я был брюнетом, меня не звали бы Зайцевым. А так — волосы жёлтые. Дурацкий цвет, как у Иванушки-дурачка. Жёлтые и торчат. Первый день голову помоешь — нормально; а на второй — уже будто сто лет не мыл. Я пробовал стричься коротко, вышел ужас. Будто один нос на лице торчит, причём на чужом каком-то лице. Лучше уж так, как есть: отросли и нормально вроде, лицо не очень видно. Но зайцы же белые! Или серые, русаки там. Разве бывают такие жёлтые?

Или у меня лицо травоядное, не хищное? Лицо как лицо. Ну, не хищное. Но причём тут зайцы!

Обидно, в конце концов. Никакой я им не Зайцев.

И ещё имя: Игнат. Нормальные люди родители вообще, нет?...

Ну, это папа назвал. В честь друга, который погиб. Папа, наверное, хотел, чтобы я был на того Игната похож. А я не похож. И что мне теперь?... Виноват я, да? Знаете, как меня бабушка зовёт? Ну, как думаете?...

Натик.

Ноу комментс.

Хотя, с другой стороны — хорошо, что папиного друга звали не Сигизмунд, например. И очень плохо, что он погиб. Он, конечно, был очень хороший. И его имя осталось бы при нём, а мне бы досталось Лёвкино.

А вот Лёва. Я же им говорил, что так нельзя: Лев Волков. Зоопарк какой-то! Но они разве слушают... Мама всю жизнь, оказывается, хотела, чтобы сын Лёвка, Лёвушка. И не виновата она, что папа Волков оказался.

— Есть же Лев Лосев, — сказал тогда папа. — И Волков же — это не Зайцев. Если бы Зайцев, тогда глупо: заяц и лев. А волк что; вполне самостоятельный зверь.

И он туда же. Его-то, кстати, никогда в жизни Зайцевым не называли, никто.

Ладно, хватит об этом, погнались дальше, а то опоздаю.

* * *

Хочу обогнать и не могу. Время останавливается. Я еду на этом эскалаторе сто лет. За это время у меня выросла борода. Я прямо чувствую, как она лезет. Потом седеет...

Уф, спрыгиваю с эскалатора. Обгоняю эту с телефоном, тычет туда ногтями самими разноцветными, фу... И встанет же слева, не обгонишь; кому талдычат каждый день — стойте справа, проходите слева! Наконец, соскакиваю, ставлю самокат... И вижу: переднее колесо всё ещё крутится.

Вечный двигатель. Оно крутится сто лет, с того момента, как я вскочил на эскалатор.

Я всё-таки успел, чудом. Сменку не передел, проскочил так, куртку бросил на решётку в гардеробе, так можно, когда опаздываешь. Сажу на литературу. Вдох — выдох, наполняю лёгкие воздухом. Фуууу. Успел. Бух. Сажу. Влетел секунду до звонка; то есть за секунду, ух, пропускаю предлоги, ещё будто бегу.

А разогнался, не могу остановиться. Прямо чувствую, как у меня там всё внутри: сердце колотится, кровь к ушам почему-то, зачем она сейчас ушам?! Горят, как фонари.

— Достааали учееебники, — бесконечно тянет Марго, надо же так медленно говорить! И всё стало так медленно... Я бы уже всё сделал давно! А так... Бесконечные 45 минут.

Время застывает, как асфальт. Вообще не двигается.

И я начинаю дёргаться. И сам понимаю, что дёргаюсь, как дурак, как псих. 45 минут неподвижного сидения для меня — невыносимо.

— Не вертись! — говорят мне. Да я и не верчусь вроде. Ноги затекли только.

Ручка падает. Почему ни у кого не падает, а у меня всегда? Тынь-тынь, ребрами стучит по парте, как поезд по шпалам; щёлк — и я ловлю. Медленно падает потому что.

Рёбра у ручки. И у меня рёбра. Об них сердце колотится, тук, тук. Двигаются рёбра, когда дышу. Там лёгкие внутри мягкие, рёбра их берегут, но и не дают вдохнуть глубже, мне бы глубже ещё... Наполнить лёгкие, расправить, как дирижабль... Я бы тогда полетел под потолок. Смешно. Рёбра жёсткости. Рёбра, бра, бррр. Слово само такое, как ручка стучит.

— Откры-ыли двадцать шесту-ую страни-ицу!

Открываю. Смотрю. И никак не могу понять, какое отношение имеют эти графики функций... А, черт, литература же! Другой учебник!

* * *

На обложке написано: «Литература». Я давно уже прочитал его, этот учебник, в первую неделю сентября. Всегда говорю себе — не читай! Что потом делать будешь?... Но всё равно прочитываю. Они чего-то говорят на уроке, обсуждают... Нет, я слушаю. Когда Тонька говорит, всегда интересно послушать. Правда, она давно уже не говорит, это я отключился. Литература. Хорошее слово, длинное.

Литр

Трата

Утрата

Талер

Алеут!

Отличное какое это «алеут», прямо горжусь.

Трёхбуквенные слова я не пишу. Это слишком легко. Потом, когда у меня наступит ступор, я могу их сразу все написать, есть алгоритм. А сейчас... 6 букв — это удача. Пока только одна «утрата» получилась.

О!

Раритет!

Проверил — точно, подходит!

Йес!

— Волков, ты о чём сейчас таком думаешь, а?

Вот же, это я вслух заорал «Йес», что ли?!

— О литературе, Маргарита Павловна, — совершенно честно отвечаю я.

Потом ко мне Яценко подошёл, просил показать, во что я играю.

— Как ты без телефона играешь? У тебя гарнитура, что ли, какая стоит?

Неумный человек, не понимает, как без телефона можно играть!

* * *

Друзей у меня нет. Ну, можно сказать, я со всеми дружу; врагов у меня нет тоже. Но так, чтобы прямо друг — нет. Они все какие-то слишком медленные, не догоняют меня.

Рассказывают там чего-то... Я уже давно понял! А они объясняют, объясняют... так медленно!

Они думают, я что, тупой?! Или вот в столовую мы идём. Если идти с кем-то, обязательно притащишься к середине перемены, и там будет очередь на километр. А если никого не ждать, то!

Они приходят, а я уже всё купил, и даже почти всё съел. Ненавижу тратить время на еду.

Ведь можно ещё кучу всего успеть!

Ай! Ууу, почему у меня всё падает!!! Хорошо, поймал стакан, не разбил. Всё в чае, какое-то свинство...

Но вот идти вместе — это какой-то ужас. Ведь есть люди выше меня, у них ноги длиннее.

Чего они так еле тащатся?! Правда, я редко пешком хожу. Пока асфальтовый сезон — стараюсь на колёсах. Самокат, ролики там. Доску осваиваю, такой маленький скейт, но пока не очень научился. Лучше всего на роликах — надел, и привет! И никого не ждать.

* * *

Толчковая — правая. А еду левой. Это главное. Главная нога — не та, которой толкаешься, а которой на самокате стоишь. Конечно, можно и поменять ноги. Вроде бы всё то же самое делаешь. Но снижается и скорость, и маневренность. Устаёт не та, что толкается, а которая везёт. И толкаться надо грамотно, ногу ставить на препятствия. На трещины там. Ну и плитки жёлтые контактные — ногу ставишь на них, чуть приподнимаешь самокат и толкаешься. Хотя вообще, конечно, я падал не раз на плитках этих. Надо бы, в идеале, место оставлять, чистый асфальт, чтобы можно было объехать.

А если лететь под гору, то я стою двумя ногами, правую ставлю крепче, переношу на неё вес тела. Чтобы разгрузить левую, рабочую.

Ещё вот что важно: конфета от горла, леденец. Почти всегда в кармане. От скорости у меня перехватывает в горле, от холодного воздуха; и почти всегда на выходе — кашель и насморк. И леденец очень помогает. Если сразу за щёку его. Всякие там с эвкалиптом, или просто мятные.

На самом деле я часто забываю это, про леденец. И потом горло болит. Но если бы я писал самоучитель езды на самокате, я бы не забыл про это. У нас холодная страна. Без леденца за щечкой никак.

А в метро на самокат можно повесить сумку. Главное, чтобы он не укатился и не хлопнулся на пол. Я как-то расколотил сметану; она в пакете была, и я этот пакет на руль повесил. Из пластиковой коробки вылилось, всё было потом в сметане этой.

Самое странное, что в том же пакете были яйца. И ни одно не разбилось. Это странно, но факт.

Почему я на метро ехал с продуктами? Я же всегда возле дома покупаю. Не помню...

* * *

Рядом в метро стоит девушка в синем пальто, читает книжку. Заглядываю — стихи. Вот странно. Я не могу читать, всё-таки неловко, но вижу — стихи.

Не люблю стихов, я их не понимаю. Может, от того, что это медленное чтение. Я пробовал читать, но от меня всегда мысль ускользает, о чём это. Ну, читаешь. И понимаешь — тут

определённый ритм есть, тарарарам, парам-парам. А глаза этого ритма не выдерживают, дёргаются вперёд, вниз скользят, ищут — про что? Что было, чем кончилось?... Потом назад... Так и бегают по странице, и никак не улавливается смысл. А если улавливается — оказывается всё просто, смерть там, или любовь, или дерево растёт. Ну, я упрощаю, конечно. Но всё равно непонятно, чего было огород городить.

Я вообще быстро читаю, пропускаю иногда слова или целые предложения, если понятно, о чём речь. Если мне книга нравится, то я себе говорю: Читай медленно! Давай-давай, каждое слово! И так внимательно, медленно читаю пять строчек...

И оказывается, что это было такое напряжение для меня! И я ничего не помню. И тут же срываюсь опять. Вот говорят: не глотай! Мама говорит, папа; да и Марго тоже: не глотайте книги! Читайте медленно, вдумчиво там... А я не могу. Если я иду медленно, у меня мышцы начинают болеть, я устаю, как чёрт! И то же самое с книжками. Не могу я медленно!

Или ещё вот я себе говорю: не смотри в конец. Не подглядывай! И потом выходит, что я пока читаю, только и думаю, что там, в конце. И всё пропускаю. Я какой-то неправильный читатель, наверное.

* * *

Я забираю Лёвку из садика. Это моё частое дело, иногда оно случается довольно некстати, но в целом я это люблю. Мне нравится, как Лёвка мне радуется.

— Иг! На-а-ат! — кричит он. Слышит мой самокат, когда я ещё только подъезжаю к их площадке.

И воспитательница меня любит. Одна. Вторая — нет, она противная, и её не любит ни Лёва, ни я. Полная взаимность. И она мне всегда на Лёвку жалуется. А та, которая любит — никогда. Хотя обе одинаково пихают мне в руки Лёвкины мокрые носки и грязные майки — он всегда обливается, каждый день почти. И у него там есть запас чистого, каждый день ему приносим это чистое, а забираем вот что. Я бы на него злился, если бы сам не был таким безруким. Но у меня уже лучше, не каждый день проливаю. Лёвка тоже вырастет и научится. К пакету с грязными вещами я привык.

Мы вешаем его на самокат. Потом Лёвка встаёт ближе к рулю, ставит ноги в какую-то там балетную позицию, чтобы мои ноги тоже поместились. И мы мчимся вместе. Мчим!

Очень неудобно, конечно, вдвоём, потому что Лёвка иногда тоже пытается рулить. И если вверх, и если бордюры — ужас, как неудобно, я весь взмокший привожу его домой. Зато вниз!

Это называется даунхилл. Когда вниз, под гору, и можно не толкаться, просто летим!

Наша общая масса увеличивает скорость.

Ууууух!

Чёрт, навстречу выскочил парень на роликах. Вот же псих, я еле успел затормозить! Куда смотрит, не видит, что я с ребёнком?!

Ну да. Он не виноват. Он просто ехал так быстро, и не предполагал, что кто-то тоже может гнать в таком темпе.

Ладно, без травм, и хорошо.

— Совсем уже! — кричит ему в спину Лёвка.

— Не надо, Лёвка. Не ругайся. Мы тоже, знаешь... Превышаем.

* * *

Такое удовольствие — лететь по пустому переходу. Потому что никогда асфальт не бывает таким гладким, как плитки в переходе. Тем более я только что из метро — ноги застыли столько стоять. И если никто из прохожих не мешает, то — ух!

Боковым зрением замечаю человека, который стоит, просто стоит. Либо продаёт что-то, либо денег просит... А, ну да. Костыли. Вот же, а. Я будто сразу виноват, что могу вот так наворачивать на самокате своём, а он — нет!

Проезжаю мимо, потому что уже разогнался. И ещё потому, что... Ну, у меня есть деньги. Но они не мои как бы. «Будешь сам зарабатывать — можешь раздавать направо и налево», сказал мне как-то папа. Это я тогда Яценко денег дал в долг, он просил очень. До сих пор, кстати, не отдал. Забыл, наверное. А напомнить неловко.

Буду сам зарабатывать. Тогда да. А так неловко мне. Не знаю, как правильно в этой ситуации; и уехал уже давно оттуда; не думать бы. Но думается само.

* * *

Когда торопишься, главное — не забывать дышать.

Пока не увидишь на часах 8:30, ты ещё не опоздал, даже если ты за сто километров. Я передвигаюсь в пространстве быстро, заоблачно быстро. Прибавляю скорость, и время пути стремится к нулю. Стремительно стремится. Время-стремя. Надо будет использовать когда-нибудь. Что общего у слов «стремительный» и «стремя»... Так, о чём я... А, стремится к нулю. Мне кажется, если я поднапрягусь, то время станет отрицательной величиной. И я окажусь в точке В раньше, чем вылетел из А.

* * *

А, вот. Ещё. Давно было, Лёвка совсем маленький был. Я домой пришёл и вдруг слышу его голос:

— Гад! Гад!

Что это ещё такое?! В садик он не ещё ходит, откуда нахватался таких слов!?

— Гад! — радостно кричит он, выскакивает из комнаты и обхватывает мою ногу. Так это он меня ругает, что ли?!

— Да, — кивает радостная мама, — это Игнат пришёл, Игнат!

... И тут до меня доходит. Это моё имя! Никакой не гад, а Гат, Игнат, он так выговаривает!

— У-у-у, ты что, не слышишь?!!

Мама радуется новому Лёвкиному слову и даже не замечает, что моё имя ругательно звучит!

— Ну вы меня и назвали... Ужас какой-то, — я вздыхаю, стягиваю кеды. И думаю, как будет круто, когда Лёвка будет мне на улице кричать «Гад» на весь двор!

... Так и вышло. Правда, этого слова «гад» никто не замечал, кроме меня. А я целую неделю дрессировал его:

— Лёва, скажи: Иг-Нат! Не Гат, а Иг-Нат!

— И-гаад! — старался Лёва.

И что вы думаете. Уже через неделю он научился! Чисто-чисто!

Правда, до сих пор в его исполнении моё имя звучит по-китайски, будто двойное: Иг Нат.

* * *

Когда Лёвка был совсем младенцем, он очень орал. Ну, постоянно просто. Переставал только, если взять его столбиком, чтобы голова из-за моего плеча назад смотрела, и так с ним надо было ходить; и желательно стихи какие-нибудь читать заунывным голосом. Тогда он такой становился тихий, как зайчик. Я для него даже Пушкина выучил, о царе Салтане: легко учится, только не забыть, когда что повторять. И к «белка там живёт ручная» я обычно думал, что Лёвка уже уснул. Подойду спиной к зеркалу, а сам через другое плечо смотрю: спит? Нет, хлоп-хлоп глазищами.

Мы тогда все по очереди с ним ходили, мама, папа, а потом я — когда они уже не могли больше, а Лёвка всё равно орал.

И я как-то маму спрашиваю:

— Мам, а у него тоже сдвиг?

— Какой сдвиг? — не поняла она.

— Ну, как у меня.

— Ты чего, Игнат, какой ещё сдвиг! Ничего не понимаю...

— Нет, ты не думай, я давно знаю. Ты Жене как-то своей сказала, что у меня болезнь такая, сдвиг, поэтому я не могу на месте сидеть...

— Ох, ну ты даёшь! Нет у тебя никакой болезни. Детям редко бывает легко на месте сидеть. К тому же, у всех темперамент разный; вот, ты такой... Как ураган. Но это не болезнь. Есть такое термин — СДВГ, синдром дефицита внимания и гиперактивность. У тебя есть... Э... Ну, некоторые черты. Но ты же можешь четыре часа за книжкой сидеть, не шелохнёшься! Так что не говори ерунды, даже не думай, нет у тебя никаких болезней, кроме насморка.

— Ох, ну ты даёшь! Нет у тебя никакой болезни. Детям редко бывает легко на месте сидеть. К тому же, у всех темперамент разный; вот, ты такой... Как ураган. Но это не болезнь. Есть такое термин — СДВГ, синдром дефицита внимания и гиперактивность. У тебя есть... Э... Ну, некоторые черты. Но ты же можешь четыре часа за книжкой сидеть, не шелохнёшься! Так что не говори ерунды, даже не думай, нет у тебя никаких болезней, кроме насморка.

— А Лёвка?

— Что Лёвка? Если хочешь знать, он по сравнению с тобой вообще тише воды, ниже травы!

Ух. Похоже, я давал прикурить родителям не по-детски. Но всё же хорошо, что у меня никакой болезни нет. А то я боялся, в школу для дураков переведут ещё. Нас всё время ей пугают, этой школой. И меня больше всех, хотя я контрольные всегда хорошо пишу, в отличие от всяких там тихих-спокойных девочек.

* * *

Мой папа полярник. То есть на самом деле нет, это мама всегда так говорит. Что она жена полярника. Я долго не знал, что это шутка, и смысла слова не понимал, думал, это настоящее название его профессии. А он на самом деле антрополог. Нормальная профессия, можно сидеть в Москве и писать себе научные труды. Но папе это неинтересно. А интересно ему тащится на край света. И там изучать людей, которые живут совсем не так, как мы. Я бы сказал, что он путешественник. Потому что если он дома, то это... Ну, месяц он может дома. А потом начинается. Всё ему становится не так!

Мама сначала переживала. Потом привыкла.

* * *

Я купил блокнот. Совершенно неожиданно. Пошёл за ручкой, я вечно теряю. Поэтому покупаю самые дешёвые, лишь бы писали. Карандаши тоже приходится покупать, хоть я и запасуюсь ими в «икее», там бесплатные, да ещё ловкие такие, маленькие.

В общем, я увидел блокнот. Такой, просто блокнот. И обложка просто жёлтая, безо всякого там. А я люблю жёлтый цвет. И внутри клеточки. Я люблю клетчатую бумагу почему-то гораздо больше, чем линейчатую. Даже если в ней надо просто писать, а не для математики.

Просто иногда у меня в голове появляются слова. И я решил их записывать. Они рифмуются, слова эти. Как стихи. Но это не стихи. Потому что я не люблю стихов, не понимаю. Как тогда получается, что я сам?... В общем, я знаю, что стихи — это не просто рифма. «С Новым годом поздравляю, счастья, радости желаю» — это не стихи. Это так. А что должно быть в стихах, чтобы они стали настоящими? Я не знаю. Так что это просто слова у меня.

Блокнот помещается в карман. Пусть там и лежит.

Я еду на роликах, а в кармане у меня новенький жёлтый блокнот. Совершенно пустой. Это примерно то же самое, что и какая-нибудь еда. Если она в кармане, так и думаешь, как бы её съесть. Так и тут: чистая бумага. Что я буду писать туда? Только и думается...

Остановился на светофоре. Двадцать одна секунда. Как раз. Пишу.

У человека голова,
А в ней болтаются слова.

* * *

Я не понимаю, когда всё это разгрести. Надо доклад. Надо реферат. Надо газету на английском. Чего я, дурак, вызвался?! Про остальные уроки уже и не говорю. Лёвку мама обещала забрать, но я должен тогда посуду помыть. И «привести комнату в человеческий вид».

Зачем я согласился, лучше десять раз за Лёвкой съездить.

Лежу на полу. И играю в шарики. Лопаю их в телефоне. Я не люблю всякие гонялки и стрелялки. А логические игрушки люблю, особенно со словами. Вообще чем проще правила, тем лучше. Я и сам пытался придумывать игры. Надо научиться программировать, вот бы тогда игрушки рисовать. Графика самая простая, я средний художник. А вот чтобы логику включать. Чтобы такие правила — проще некуда, а игра — не оторваться, вроде шариков этих.

Реферат, реферат. Можно, конечно, просто из интернета взять. Но глупо как-то, что я, тупой, не сделаю сам?

Сейчас, ещё вот эти синие соберу, лопну и пойду пылесосить.

У меня иногда бывает столько мыслей в голове; и они все мечутся, как будто в кастрюле сидят, ищут выход, тычутся в стенки, бум, бум! Всё меняет направление, всё про разное, в разные стороны, броуновское движение в башке. Кажется, она лопнет, треснет! Тогда лучше всего — ролики на ноги, левой, правой, вжик, вжик — и мысли выстраиваются в длинную линию, она как-то стройнеет, вытягивается... Или мысли вытягиваются просто от встречного ветра?

А если как сейчас. Устал. Так, что совсем. Мышцы устали. А голова нет, наоборот. Мысли носятся, чего вот они не устанут тоже!

Тогда, чтобы не было взрыва, лучше всего — игра. Чем проще, тем лучше. И кастрюля, башка моя, в которой мысли, превращается в чайник. С носиком. И через носик, в одну сторону, как пар, выкипают мысли, и там, внутри, успокаивается. И потом я могу жить и работать. Я та-ак могу работать! Вообще. Вы меня не узнаете! Только сейчас, долопаю эти жёлтые шарики. И как начну!

Ключ в дверях щёлкает. Ой. Чего они так рано?

— Это вы уже пришли, что ли?...

— Игнат... Ужас. Что у тебя за завалы? Игнат, на кухню не зайти, что ты за человек!

— Да я не был на кухне ещё! Не успел. Мне знаешь, сколько задали!

— А кто тут ел тогда?

Ух... И правда, что тут на кухне... Наверное, я заходил, но не видел. Наверное, ел.

— Вкусно хоть было? — спрашивает мама.

— Ага, очень вкусно!

— ...а что хоть было вкусно, а, Игнат?... Эх, ты...

— Дынь, дынь! — поёт Лёвка.

— Дынь, дынь! — пою я. — Сейчас я всё уберу. Сейчас, сейчас! Ты, мам, иди. Читай там...

Как будто ты ещё не пришла. А мы с Лёвкой всё сделаем, да, Лёвка!

— Нет! Нет! Карабурет! Жилет! Нет!

— Лёва голодный... Тебе хоть его жалко, нет?

— Лёвка, ты голодный? — спрашиваю его. Это военная хитрость; я знаю, что он ответит.

— Нет! Нет! Привет! Тибет!

... Тибет-то откуда у него взялся. Вообще тоже непонятно, что к нему в голову откуда попадает.

В общем, я правда какую-то такую деятельность развёл. Сам удивился. Даже сковородку помыл!

Вообще я не хотел, конечно. На сковородку мы не договаривались. Просто я задумался о стратегии, мне пришло в голову, как можно использовать принцип нечётности в шариках этих. Ну и смотрю — на автомате уже мою сковородку. Не бросать же теперь?

... Потом сидел до часу ночи с рефератом своим дурацким.

— Игнат, может, завтра доделаешь?

— Не-е, я завтра вообще ничего не соображу. Я сейчас!

— Ты бы сказал, что тебе так много, — говорит мама, — я бы тебя не заставляла уборку делать...

— Так я сказал!... А мне ещё газету рисовать...

— Какую газету?...

— По английскому.

— Давай, я тебе нарисую... Что тебе нужно?

... Круто она рисует всё-таки. Я бы так не смог.

Утром встал — готовая лежит. Хоть в печать такую. Настоящая... Не поверят мне, что это я. Так что сразу скажу — мама помогала. Если спросят, конечно.

— До пяти утра сидела, между прочим!

— Ну ты и перфекционист... Вообще.

— Я не перфекционист, Игнат. Совсем нет. Я художник просто. Знаешь, иногда творческая энергия хочет выхода. Рвётся, как пар из чайника...

* * * Новенький

(У глав появляются названия; не знаю, почему. Но не у всех. Или это не главы?)

— Это Костя Зайцев, он будет учиться в нашем классе, — говорит Марго.

Я фыркаю. Довольно громко. Зайцев дёргается. Не понимает причину моего веселья. Ну, все-то понимают, начинают хихикать. Этого Зайцева надо спасать, а то его сейчас с Тонькой посадят, и она его съест. Она умеет.

— Садись со мной, — говорю я, — у меня свободно. Смешно будет.

— Почему смешно? — осторожно спросил Зайцев.

— Потому что я Волков.

Он понял, выдохнул, засмеялся. Ну и хорошо. Посмотрим, что он за Заяц такой.

* * *

Мы спустились с ним в столовую, потому что я страшно есть захотел, и он тоже. Уже звонок был на инглиш. Мы сидим, а её нет, англичанки. И тут как раз я есть захотел ужасно. Буфет этажом ниже; если смотаться на минуточку, то ничего не будет. А если я весь урок буду о еде думать, то как раз плохо будет: какой толк от урока этого!

А Зайцев этот новенький со мной пошёл, за компанию. Ну и ладно, пускай.

В буфете только два пирожка осталось. Жалких таких, один с капустой, другой с яблоками.

— Ты какой будешь? — спросил меня Костя Зайцев. Понятно, какой! Кто же в здравом уме капусту выберет! Жалко мне его стало. Я выберу яблочный, а он будет, как заяц, капусту жевать... Терпеть не могу.

— Давай с капустой, что ли, — сказал я, и он обрадовался: о, как раз хотел с яблоками.

В общем, слопали мы с ним по пирожку и запили компотом. Я уже всё выпил, а у этого Зайца полный стакан ещё!

— У вас что, урока нет? — спросила буфетчица.

— Есть, просто нас за журналом послали. А так есть хочется! Мы же быстро, мы вот уже уходим, — и я выразительно посмотрел на Зайца. Он запихнул пирожковую горбушку в рот, глотнул компот, и мы побежали. Смотрим — как раз англичанка идёт! По лестнице.

— Бежим! — схватил я Зайца, и мы помчались. В обход, через весь коридор и по другой лестнице.

И как раз влетели в класс перед её носом.

А ничего этот Заяц бегаёт, нормально. Зачёт.

Добежал и сидит жуёт пирожок свой, за щекой держал, оказывается. Щёки, как у хомяка.

* * *

Как же он долго одевается, просто ужас. Зачем вот это — застёгивать куртку? На улице же можно! И шапка... Нет, такого тормоза поискать!

— Я тебя на улице подожду, — говорю я ему. Зачем вот сказал? Надеюсь, нам в разные стороны. А то как мы потом пойдём? У меня самокат. Нет, лучше сразу сказать ему — всё, пока. Я поехал. Но всё же как-то неловко бросать человека в первый его день в новой школе. Ладно, подожду. Что он там делает?...

О. Вышел. Явление... Курточка застёгнута. Шапочка. Всё такое аккуратное. Собрался, вышел. Хоть на выставку. А я уже три круга вокруг школьного двора отмотал.

— Тебе куда? — спрашивает он.

Я показываю.

— А. Мне в другую сторону надо, — говорит он, — ладно, пока! — и пошёл себе.

Ничего так! А я зачем ждал его, получается?...

Хотя к лучшему, конечно.

Я включил свою самую быструю скорость. Солнце! Какое же ослепительное солнце!

Сидишь, сидишь в школе этой, и не видишь... Зачем Зайцеву шапка? Так тепло!

Сначала нужно всякие дороги переходить, и бордюры встречаются... Зато потом я выруливаю на идеальную дорожку вниз. Это называется даунхилл, когда просто катишь по инерции, толкнулся раз и всё. Летишь, летишь!

Опасно, что солнце в глаза, мало чего видно, я стараюсь быть осторожней, но и жалко терять эту скорость, скорость! И никого нет на этой дорожке, можно гнать!

Трактор стоит рядом на дороге, я давно его видел, сияющий такой трактор, на солнце он кажется радостной игрушкой.

А! Шлангггг!

Ох, еле успел затормозить! У этого трактора шланг зачем-то через тротуар протянут, сливает он в люк что-то там своё. Когда солнце в глаза, не видно. Вот бы я сейчас летел!

Но я перескочил его, и тут же прыгнул на самокат дальше. Жалко терять скорость.

Скорость!

Чудом, чудом я проскочил. Часто так, просто чудо, что не загремел. Кто-то меня там хранит, какой-то бог скорости. Самокатный ангел.

Ещё, знаете, что опасно — собаки. Я вижу такую издалека, и притормаживаю. Во-первых, она может за мной побежать. Но это не так страшно, как поводок. Человека видишь, собаку видишь. И думаешь между ними проскочить. А там поводок! Его не видно!

Есть ещё третья опасность, самая большая — маленькие дети. Тут уж ничего не поделаешь. Траектории маленьких детей непредсказуемы, и я просто заранее сбавляю скорость, и всё. Я в этом понимаю. У меня у самого Лёвка такой. Его один раз почти сбил велосипедист, я чуть не из-под колеса выхватил Лёву этого за капюшон. Дети всегда правы, а велосипедист не прав. Я это запомнил. Поэтому еду осторожно, когда дети. А они (не дети, конечно — родители) ещё ругаются мне вслед: носитесь тут! Не видите — ребёнок!

Да я как раз вижу! И объезжаю аккуратно. Но чего им объяснять, я уже далеко.

* * *

В лифте достаю свой блокнот. Я же не дописал тогда, у меня было в голове больше слов.

И я пишу дальше, чтобы не забыть:

У человека голова,
А в ней болтаются слова.

У человека две ноги,
Они кричат ему — беги!

И он бежит, а в нём слова
Внутри слепляются по два

* * *

Не знаю. Если это стихи. Над ними же работать как-то надо, делать лучше. Я сам вижу, что не очень. Посмотрел, повертел — нет. Лучше никак. И почему слова по два? Ведь больше? Может, дальше придумать?

Не, никак. Это потому, что я никакой не поэт. И чего тогда себя мучить.

Оставлю, как есть.

Это же не стихи.

* * * Маяковка

Опять опаздываю. Почему, почему?! Я же думал — точно не опоздаю, заранее прямо оделся даже. Сегодня суббота, народу мало. И я так лихо гнал на роликах этих, и сразу в метро. Перед эскалатором переобул кеды, в секунду. Всё быстро. Почему же так поздно опять?

Никак не могу со временем договориться. Всё оно идёт не так, как мне надо. Я опаздываю на экскурсию, сказали, встречаемся на Маяковке; сказали, ждать никого не будут.

И что я буду потом делать, где их искать?...

Ну, если я приеду, а их нет. Созвониться? У меня телефон садится...

Я замечаю, что бегаю по вагону метро, как псих. Ролики за спиной. Не сидится мне. И не думается ни о чём. Опаздываю, опаздываю, едь скорее, метро, аааа!

... Я забыл проездной, и пришлось покупать одноразовый билетик. Там номер. О, это спасение. Я рассматриваю этот номер и пытаюсь его разделить. Такую игру придумал себе. На два, на три... Это сразу видно: делится или нет, и на пять, конечно. Посложнее на семь. Но тут фокус: я делю длинное это число на тысячу один. И остаток уже проверяю: на семь, на одиннадцать, на тринадцать.

Нет, вообще ни на что не делится. Вот же какое! Может, вообще простое, ни на что не делится, кроме себя. Жаль. Я люблю так, когда — хлоп! И нацело!

... Даже немного забыл, что опаздываю. Чуть остановку не проехал. И уже на Маяковке, на длинном эскалаторе, номер билета разделился на сорок один. Без остатка.

Как же я прозевал, бегом проскочил любимую мою Маяковку, большую рыбу изнутри, дирижаблевые рёбра, архитектор Душкин, художник Дейнека, мозаичист Фролов, Фролов в чёрной профессорской шапочке. Он делал свои мозаики в блокадном Ленинграде, в темноте,

без света, а теперь они на потолках метро, Фролов доделал Новокузнецкую и умер... Всё про них знаю, всё... А Душкин вообще гений, в 38-они сделали эту Маяковку, ещё до войны, это же просто космос, что они сделали такое! Читал много про Маяковскую, потому что люблю. А сейчас проскочил и не поднял головы.

Ну и успел, кстати. Еще двоих мы ждали потом. И я всем рассказывал, как я ключи искал по всей квартире, а нашёл в кармане, в другой куртке. На самом деле этого не было. Но так бывает: придумаешь враньё в своё оправдание, а оно не пригодится. И что же тогда, пропадать такому прекрасному вранью?...

А про деление на сорок один не рассказал. Боюсь, тут никто меня не поймёт. И про Фролова, и про Душкина... Чего им такое рассказывать. Кому интересно, могут сами посмотреть.

* * *

У нас недалеко от дома есть костёл. Очень красивый. Идёшь так по улице, дома-дома, обычные. И тут вдруг — костёл. Огромный. Как в кино. Высокие шпили в ночное небо.

Красиво.

А напротив — общежитие Консерватории. Особенно летом ясно, что это за общежитие такое. Когда окна открыты. Но и зимой слышно. Такой пилёж-гудёж, скрипки-пианино всякие. Мне нравится всё вместе слушать, когда отдельные голоса сливаются в странный общий гул. То есть нет, они не сливаются, отдельно торчат в разные стороны, как шпили костёла. В одну сторону, вверх. Но все разные.

Я иногда специально сюда хожу. Потому что первый раз услышал именно здесь. Был морозный день, ясный такой. Редко бывают такие дни, прямо ослепительные.

И тут я услышал трубу. С верхних этажей каких-то.

Классный инструмент — труба. Звук сразу в небо идёт.

Потом ещё несколько раз слышал. Трубач гамму играл и ещё какие-то упражнения. Его забивал звук рояля, рассыпал там свои пассажи нечеловеческие направо и налево. Мне захотелось его выключить. Чтобы одна труба осталась. Надо же, такой звук. Сразу внутри.

Будто лампочку включает во мне.

* * *

Раньше, пока Лёвки не было, меня мама в свой театр брала. Спектакли я не смотрел, просто болтался по коридорам. Не то что неинтересно мне было, спектакли. Просто я не мог столько сидеть. Я и сейчас не могу. Прямо невыносимо это для меня, такое сидение. У меня без движения ноги отваливаются и руки. Ну, сейчас научился немного. А в детстве совсем не мог.

В общем, когда я маленький был, мама меня всё же водила на детские спектакли. И я сначала сидел. Потом сползал на пол. Под стул. А потом на четвереньках выползал из зала.

И тётенька-билетёрша меня там ловила. И говорила: походи тут, Игнат, только тихонько. Померяй, сколько шагов этот коридор.

И я мерил, мерил...

А потом приходила мама и забирала меня.

И я ей рассказывал, про что был спектакль. Сколько я успел посмотреть. И она удивлялась, так мало общего было у моих рассказов с авторским замыслом.

— Мне кажется, у тебя в голове отдельный транслятор, — говорила она мне. — Там тебе что-то своё показывают, не как всем.

* * *

А, я же не сказал. Мама — театральный художник. Ну, её имени на афишах никогда нет. Она, как говорит, на подхвате. Иногда помогает тому, кто как раз главный художник. Доделывает то, что кто-то не успевает. И всё время в театре. Монтаж, демонтаж. Часто ночью, когда один спектакль закончился, а на утро уже другая сцена готова должна быть.

Демон Таж. Я когда ей сказал, она очень смеялась, про демона этого. А ещё есть слово «додемонтаж». Когда демонтировали, демонтировали, да не выдемо... Да не выдодемонтировали.

Правда, иногда она говорит — как тебе этот звездочёт на занавесе? Мой.

Правда, иногда она говорит — как тебе этот звездочёт на занавесе? Мой.

И я вспоминаю, что видел его. На кухне. Когда она утром кашу варит, мешает в кастрюле, а вокруг листочки валяются. И каша потом... Э. Ну, не в каше счастье, тем более, овсянку никто и не любит особо. И тогда заканчивается яичницей.

А потом — бац, звездочёт с листочков этих на занавесе. В огромном театре. Красиво.

* * *

А вообще я сейчас люблю в театр приходиться. Не на спектакль, а с изнанки. Мне нравится, что можно зайти со служебного входа. И там все ходят: балетные в своих тёплых тапках или просто в шерстяных носках. Певцы в гриме. Или не в гриме. Я про одного думал, что он вроде монтера какого-то. Пока в новостях его не увидел по «Культуре», мама всегда смотрит, когда про её театр показывают. Оказалось, не монтер никакой, а знаменитость.

Ну и оркестровые там тоже ходят, за сценой. На вид — обычные люди, но я уже знаю, что они в каких футлярах носят. Длинный футляр, прямоугольный или такой морковкой — скрипка или альт. У тромбона — длинный, с одной стороны круглый. Для раструба.

Виолончель ни с чем, конечно, не перепутаешь. А самый замысловатый футляр у валторны. Тоже не перепутаешь. Валторновый футляр похож на задачу геометрическую, когда в разных проекциях то круг, то квадрат, и непонятно, что это за штука такая вообще.

Я ходил и в оркестровую яму, смотрел, как они там чего. Но вообще я музыку не очень люблю. Интересно, конечно, но сидеть три часа слушать концерт я бы не стал, если только музыка, без действия на сцене. А спектакли бывают красивые. Правда, меня чаще всего всё равно вырубают, и я думаю о своём. А потом опять включаюсь. Такой переменный ток в голове. И мой «отдельный транслятор» по-прежнему работает. Всегда выясняется, что я что-то видел, чего не было. А я думаю, это просто другие смотреть не умеют. Там же гораздо больше, чем то, что все видят.

В общем, я больше всего люблю за сценой. Просто смотришь — как кто туда идёт, как выходят... А ведь там они совсем другие. Чудно это. И потом, всё же когда ты смотришь спектакль. Тебя будто сажают и говорят: смотри! Слушай! Тебе же показывают! ... Я так не люблю. А когда за сценой, ничего не должен. За кулисами я как-то целое отделение простоял. Забыл даже, что меня мама ждёт в другом месте и ищет по всему театру.

Но там тогда вот что было. Иногда оркестранты поднимаются из ямы и играют за сценой.

Это вот они и были. Медные духовые. Мама говорит, почему-то медные духовые называют «бандой». Я раньше думал, это шутка. Но потом слышал, как помреж орал кому-то: банда где? Давно уже здесь должны быть!

Помреж, помощник режиссёра. Тоже смешное слово, слышится «помрёшь». «Где помреж?»

— спрашивают. А я слышу: «где помрёшь?». И думаю, ну и вопросы решают они в своём театре.

Так вот, тогда я за сценой простоял. Потому что была труба. Негромко так играла. Но красивая, зараза.

Там у них за сценой телевизор стоит, то есть не телевизор, а монитор. И по нему дирижёра показывают из ямы. Трудно это — они тут, за сценой должны вместе с оркестром в яме сыграть. Для этого дирижёр им в мониторе палочкой машет, чтобы совпадало.

И там один такой есть, маленький трубач. Шутит всё время. Взрослый, просто ростом маленький, чёрный такой, на цыгана похож. Вот. Я сразу понял, что он главный. Первая труба. Я на него смотрел. Кажется, ничего ему не стоит на трубе играть. Будто просто наигрывает себе. Только подносит к губам мундштук — и сразу музыка.

Я потом неделю ходил с этим звуком внутри, с голосом трубы. А спектакль забыл, как называется. Опера какая-то, может, «Кармен». А может, и нет. Чего-то там про любовь-кровь. Ну, как всегда.

Я сейчас редко с мамой в театр хожу. Должен же с Лёвкой кто-то быть, когда она в театре. Вот он вырастет скоро, будем вместе ходить. Я ему покажу этого, с трубой. Ну и потом, хоть у меня и свой отдельный транслятор, мне нравится, какую он в театре ловит волну.

* * * Макароны

Лёвка носится по квартире и орёт. Орёт в том смысле, что поёт. Песни его, например, такие:

— П'овода, п'овода, п'овода-а-а-а!
Везде п'овода, да-а! Чё'ные п'овода-а!!!

Мне кажется, у меня из ушей уже лезут провода эти.

А мне надо его накормить. Такая вот незамысловатая задача.

Я ничего не могу делать, ни о чём думать, у меня клубок проводов вместо мозга!

— Лёва! Перестань уже!

— П'овода-а-а!

Я хватаю его и трясу. Получается «проводададада!»

На детей нельзя орать. И я знаю по себе: когда на меня орут, это бесполезно. Если орут, то я перехожу в режим ожидания, просто жду, пока перестанут. И потому сейчас я тихо, спокойно и сдержанно говорю ему:

— Если ты, мелкое бесполезное существо, ещё раз заорёшь свои провода. То я тебя запру на балконе. А там холодно.

— Не буду п'о п'овода, — говорит Лёва.

— Честно?

— Честно-п'ечестно!

Я удивляюсь такой легкой победе. Не может быть. Но вдруг... Может, я такой и правда хороший воспитатель? Вообще я молодец, не орал вот. Правда, непонятно, что бы я делал, если бы Лёвка не сдался сразу. Не могу же я его, в самом деле, запереть на балконе. А вдруг он упадёт оттуда, он же маленький.

Я ему достаю машину, большую — на ней можно сидеть, ездить, перебирая ногами, и гудеть кнопкой. Раньше она ещё пела какую-то песенку, но это сломалось. И хорошо, мне Лёвкиного пения хватает. Она завалена игрушками, эта машина, но я достаю её из под завалов, как Гулливер — вот я какой добрый и сильный. Катайся, Лев!

... Он и правда катается по коридору, врывается в шкаф, едет обратно. И орёт:

— Гхозеткааа! Гхозетка, гхозеточка моя-а-а!!!

Розетка. Ладно, пусть так.

Я на кухне, надо накормить Лёву. Сам я и бутербродами обойдусь.

В холодильнике суп.

Ага.

Я достаю кастрюлю, пяткой закрываю дверцу холодильника, и тут в меня врывается Лёвка на своей машине дурацкой. Под колено прямо! Я складываюсь, как ножик.

— Гхозетка-а-а! — автоматически орёт Лёвка. А в машине что-то включается, и она начинает радостно вопить:

— Джигл беллз, джиггл беллз!

Я говорю Лёве самые разные слова. Довольно громко говорю. Мне плевать, что он их потом будет повторять в своём садике. Всё равно он их когда-нибудь услышит. И что на детей нельзя орать... Значит, нельзя?! А им всё можно, да?!!

Кажется, ему не слишком досталось кастрюлей этой, ну, шишка, конечно... Его башка всё равно крепче моей коленки. Чего вот так орать?

Я будто выключаюсь и смотрю на ситуацию со стороны, будто всё медленно-медленно.

Стоп-кадр.

Лёва. Вернее, Лёвин рот. Суп. Суп везде. В Лёвкиных волосах путается варёная морковка.

Бульон стекает на пол, ме-едленно так. Машина орёт «Джигл беллз», тоже вся в супе.

Я сажусь на пол. Колено не сгибается. Вытягиваю ногу. И начинаю хохотать, как сумасшедший.

Лёвка замолкает и непонимающе смотрит на меня. А потом закатывается тоже. Мы сидим на полу и хохочем втроём, вместе с машиной. Она выключается только тогда, когда я вытаскиваю из неё батарейки.

Потом я думаю, с чего начать. И начинаю с Лёвки, ташу его в ванну. Он даже не упирается, с морковкой в волосах не очень-то повозникаешь.

В общем, я супергерой: вымыл и Лёвку, и пол, и кастрюлю. Правда, часть супа залилась под холодильник. Но с этим я уже не знаю, что делать. И Лёву по-прежнему надо накормить. Есть, конечно, каша... С утра осталась. Можно в микроволновке разогреть.

— Я не буду кашу, — твёрдо говорит Лёва. И для верности мотает головой, как собачка. И я его понимаю.

— А что ты будешь?

— Макароны! — уверенно заявляет он.

Ну... А почему нет. Что уж тут такого страшного; кастрюля вон чистая есть. Макароны тоже нашёл. На упаковке нарисовано: кипящая вода, засыпать макароны на 9 минут; и вот они прекрасные на праздник к нам пришли, дымятся в тарелке.

— Лёвка! Мы с тобой будем готовить макароны!

И всё у меня прекрасно получилось, и нет тут ничего сложного. Правда, когда макароны эти кидаешь в кипяток, от него страшный пар идёт. И брызгается ещё! Я немного обжёгся.

Зато догадался, что их надо мешать ложкой, а то они почти прилипли ко дну кастрюли. А Лёвка пел:

— Мака'-оны! Мака'оончикиии! Они пла-авают в каст'ю-уле, плывут, плывут! На Южный пооолос! В Мака'онную ст'анууу! Мелкие мака'ончики, мака'ончики мои!!!

Мне очень понравилось Лёвкино пение, я даже попросил повторить. И записал его песню на телефон. За этим записыванием мы немного прозевали наши девять минут, вышло одиннадцать. Но это оказалось не фатально. Правда, непонятно, как их теперь из кипятка вылавливать, макароны эти. Начал ложкой, потом вилок. Они упрыгивают. Потом догадался — надо воду слить! И тут Лёва сказал, что нужен дуршлаг. Откуда он такие слова знает?! Я в его возрасте не знал. И потом, песня. Умел ли я сочинять такие песни?

Вообще есть ли у кого такой брат, как мой Лев?!

В общем, нормально я вывалил макароны в этот дуршлаг, только немного их улетело в раковину. Пришлось выкинуть, но осталось тоже довольно много.

И я натёр сыр!

И засыпал макароны этим сыром!

И знаете, что. Это было ослепительно, потрясающе вкусно. Мегаеда. Видели ли вы, как в горах встаёт солнце, и освещает вершины в снежных шапках, а весь мир лежит внизу, а тени, в ожидании нового восхитительного дня... Вот какими вышли у меня макароны!

Лёвка ел с добавкой, а я без, оставил маме.

И потом она пришла, мама.

Зашла в ванную и сразу спрашивает: что у вас тут случилось?

И откуда знает, я же всё убрал! А, нет. Одежда наша осталась в ванной, супная. Забыл.

— Я сварил макароны, — сказал я.

— Что? — спросила она.

А я уже ей положил в тарелку и посыпал сыром. Правда, они уже были холодные, и сыр не расплавился.

Но всё равно, всё равно. Теперь никто не скажет мне, что я ничего не стою, что я ничего не сделал в жизни.

Я сварил макароны. И мама сказала, что в жизни не ела ничего вкуснее.

В тот день я понял, что готовить не так уж трудно и даже приятно. Сейчас мною освоено три блюда: макароны (правда, теперь я знаю, что их потом лучше на сковороде поджарить, вкуснее), картошка ещё варёная. И омлет! Специальный тройной омлет, разделённый на три сектора. Мамин — с помидорами и зеленью, мой — только с помидорами, а Лёвкин — без ничего, он плюётся помидорами этими. Главная же моя поварская фишка — это сыр. Если любую еду засыпать сыром, то выходит не просто еда, а искусство. И вот ещё что: если я приготовил ужин, то никто уже не скажет, что комната моя завалена и в неё не войти. Ну, скажут, конечно. Найдутся некоторые. Но согласитесь, что моральное превосходство на моей стороне.

* * * Река

Переходы. Дурацкая вещь, переходы эти, но ничего не поделаешь. Вверх ещё ничего, но вниз! Когда-нибудь я загремлю на своих роликах, никак не научусь спускаться легко и уверенно.

Зато! Последний переход, я поднимаюсь по лестнице и вижу реку. Наконец-то. Я на набережной!

Подъезжаю и сначала просто смотрю.

Вода вблизи выглядит так себе. Не очень чистая река Москва, конечно. Но это если смотреть на поверхность. А так... Так я думаю, что она просто река; была задолго ещё до Москвы, моего города. И пришли сюда древние люди, и стали жить...

Город какой огромный отражается в воде. Высотка, гостиница «Украина». И в оба края — Москве конца не видно. Никогда с обычных улиц не увидишь столько города, сколько с берега реки.

Ноги несут меня в путь, под мои шесть мостов, к путеводной звезде на башне Университета.

Шаг, другой... Я стараюсь толкаться чисто и ровно, руки за спину, как настоящий спортсмен-конькобежец. Тут, на моей набережной, мало людей — гулять неудобно, и переходов сюда почти нет, не попасть так просто к моей реке. Так что это наше место, велосипедно-роликовое, колёсное.

Левой, правой... Пролетела в один миг электростанция, так похожая на корабль со своими белыми трубами. Стараюсь не смотреть влево, там дорога, полно машин; я дышу не ими, а рекой. Чувствую её, реку. Проезжаю Белый дом, Мэрию — сначала мне было не по себе ездить здесь, а теперь привык, и чего такого страшного. Ныряю под первый мост — Новоарбатский; древнегреческие колонны в воде, такие неожиданные. Сверху машины несутся на Кутузовский, никто и не знает про эти колонны внизу. Потом метромост — любимый из всех, за чёткость линий, ясную дугу, чистая конструкция, никаких излишеств.

Вот эти всякие ротонды с колоннами, башенки... Я им киваю, как своим; но в идеале мост должен быть чистым, всё подчинено смыслу. Смоленский метромост, стальной, однопролётный, арочный. Мне нравятся сами слова даже.

Пешеходный мост Богдана Хмельницкого. Он красивый, но меньше мне нравится, чем метро. Он какой-то специальный, для красоты. Стекло, фонари... И потом, когда я выскакиваю из под него, там есть страшное место. Лестница вниз, нет ограждения. И всегда после этого места я долго ещё представляю себе, как я почему-то не свернул дальше на тротуар, а загремел по этой лестнице вниз, в воду...

Москва стремительно проносится мимо меня. А на воде встречают старые знакомые, их так мало кто знает, а я люблю. Люблю речфлот. Знаю по именам. Полуразвалившаяся облезлая Атлантида. Сияющий теплоход «Рэдиссон»; парадная «Аллегрия» (ужасное название. Вы ведь тоже прочитали «Аллергия», да? Я долго не мог понять). Но это не то.

Главное — работники реки, баржи. Катера. Удивительный «Ковров» на Саввинской набережной (это я уже пол-Москвы прошел). На «Коврове» валяется какой-то мусор, и реальный ковёр висит-сушится. Второй месяц сушится. Зачем?... И велосипед валяется чей-то, и матрас. Вот там люди живут. Работают, живут. Что за люди?... Работают в Москве на воде. И для них есть такие важные слова: навигация...

На ржавой корме «Коврова» написано краской: «Шаланда». Привет тебе, Одесса, Приморский бульвар, каштаны, ездили с папой осенью, летом тоже ездили, но мне не понравилось, а осенью! Как же там осенью красиво.

Позади «Коврова» через реку — огромная ТЭЦ. ТЭЦ 12. Рабочая штука, две трубы, такая же, как мой речфлот. Без бантиков-рюшечек. Механизм города.

И тут же, перед Новодевичьим монастырём, Гессе. Привет, Гессе.

На старом доме штукатурка выцарапана так, что вышел портрет. Человек и город; лицо старого человека в очках на три этажа. Я смотрел в интернете, просто этот адрес набрал, Саввинская набережная, 27, и знаю теперь, что это Гессе, немецкий писатель, «Игра в бисер», книжка стоит дома. Пока не читал, но скоро возьмусь. И я теперь здороваюсь с ним. Привет, Герман,

это я.

И прощаюсь с машинами. Последний мост — двойной; железная дорога и Третье Транспортное кольцо, пролетаю под ними — и я в Лужниках.

Москва пропахана с севера на юг за двадцать минут. Московский воздух намотан на мои восемь колёс. Я когда-то услышал папино выражение: «этот путь берётся ногами», в том смысле, что такое расстояние пешком можно пройти.

Мой огромный город берётся ногами, безо всякого мотора. Это удивительно. Не весь, конечно, от края до края, но хотя бы основная его часть. Я был определён на севере, а сейчас точно — на юге. Тут даже теплее как-то...

Нижняя петля Москвы-реки. Машинам сюда нельзя; здесь парк и дорожка вдоль воды. На другой стороне — Воробьёвы горы, Университет. Полыхающая осень. Кажется, нет зеленее города, город-сад, город будущего! Там, среди разноцветных деревьев, вдалеке, видны сияющие стеклом башни Сити. Неужели я оттуда приехал?! Так быстро!

На парапете стоит утка. Я проезжаю мимо, она даже не вздрагивает. Стоит и смотрит на Университет. Внимательно так.

Впереди Лужнецкий Метромост, двойной, снизу метро, сверху машины. И прямо на мосту станция — Воробьёвы горы.

Можно перейти по этому мосту реку. И на станции заглянуть прямо в окна вагонов, если там поезд метро стоит. Так странно: они в метро, торопятся по делам.

А я на роликах.

Их увезут, а я — сам.

На той стороне полно людей. Отсюда по набережной можно гнать дальше, через Андреевскую набережную, через Парк Горького до самого Крымского моста, и даже ещё дальше: до Красного Октября, в этом году там сделали ещё набережную.

Но там набережные другие. И река другая. Там люди гуляют. Катаются. Дети, полно детей.

Радостный, лёгкий город. Совсем другие лица, чем в метро или на автобусной остановке.

Но всё же я люблю больше свои, хмурые набережные, пустые, без это праздной толкотни.

Тем более сегодня мне не успеть туда, к Крымскому мосту. И, продышавшись в Лужниках, я еду обратно, домой. Под всеми моими мостами, мимо моих Гессе и речфлота, в обратном порядке, к спирально-закрученной башне Сити.

И там я проскакиваю свой переход и еду до конца набережной.

У самых башен, под последним мостом есть спуск к воде. Ковыляю вниз по лестнице... И тут уже сижу у воды. Тут тихо. И никогда не поверишь, что наверху огромные башни, и рядом Третье транспортное кольцо.

И видно далеко-далеко. У воды виден мой город иначе. Длинный-длинный такой вид, и рябь на воде. Какие-то плавающие растения на длинных стеблях, всё же растёт что-то в московской воде. И отражаются высоты с другого берега.

* * * Дина

— Волков! Ты мне нужен, пойдём!

— Ооо, — сказали все наши пацаны, мы стояли вместе под лестницей, а тут Тонька меня вызвала. Да, не каждый день девчонки так подходят.

— Чего тебе?

— Пойдём! — и она схватила меня за руку, поволокла куда-то. Наши свистели нам вслед, ещё бы! Чего это вдруг с Тонькой?

— Слушай, Волков! Только не смейся, понял? Будешь смеяться — в лоб дам. Дело серьёзное.

— Чего случилось-то?

— Дина заболела.

— Кто?... Наша Дина?

— Да.

— Серьёзно, что ли?...

Тонька кивнула. Дина Моисеевна, наша классная с первого класса. Мы к ней до сих пор ходим в конце года и на день рождения, поздравляем.

— Кто?... Наша Дина?

— Да.

— Серьёзно, что ли?...

Тонька кивнула. Дина Моисеевна, наша классная с первого класса. Мы к ней до сих пор ходим в конце года и на день рождения, поздравляем.

— Почему ты думала, что я буду смеяться? С ума сошла, что ли?

— Знаю я вас, идиотов!

— Знаешь что! Вообще уже, ещё и обзывается ни за что ни про что!

— Ну, нет. Ты — не идиот; ты один из них нормальный. Поэтому тебе и говорю. Объясни им. Меня они слушать не будут. Объясни!

— Чего объяснить?... Чего с Диной, Тонь? А? Ты чего такая психическая?

Тонька вдруг разревелась. Да, она у Дины любимая ученица была. То есть у неё все были любимые, но Тонька особенно.

— Я не знаю, Волков. Плохо ей. Из дома почти не выходит. И, понимаешь... У неё никого нет же. Ей продукты соцработник какой-то приносит... И всё, она как запертая дома сидит!

Наша Дина! Понимаешь, Волков?!

— Давай к ней сходим? К ней можно же?

— Да. Я сразу подумала, что ты поймёшь. Только вы же все заняты. И каждый скажет: да-да, только я сейчас не могу...

— Я понял, Тонь. Я... Ты не переживай. С кем из девчонок говорила, нет?

— Я ни с кем не говорила ещё. Лучше... Лучше ты. Я не знаю, как. Понимаешь? Они же...

Ну, не любят меня. А ты другое дело. Ты если скажешь, все сделают.

Ничего себе. А я ведь не понял сначала. Точно, её сильно не любят в классе. За то, что отличница. И за острый язык. А мне наоборот, нравится. Что она такая, Тонька-колючка.

Но вот что меня любят. Что меня все послушают... С чего она взяла?

Я думаю, всё это ерунда, любят меня или нет. Это всё Тонька выдумала; никому особо дела до меня нет. Просто любят Дину. Её нельзя не любить. Ни у кого такой не было. В параллельных классах были такие все... Ну, обычные классные.

А Дина могла посреди урока сказать: о, какой снег! Какой снег! Пойдём на улицу!

И мы одевались и шли. И решали там примеры в снегу. И рассчитывали, сколько нужно снежных комков на крепость. Это один раз только было; но такое разве забудешь.

Чёрт, неужели она не выходит из дома. Какой-то ужас. Она же так бегала по лестницам всегда, быстрее нас!...

* * *

В общем, мы организовали дежурство. И по очереди стали ездить к Дине на Динамо. И даже новенькие, которые у Дины не учились, тоже сказали: будем ходить!

Первый раз со мной, конечно, новенький Зайцев поехал. И я перед самой Дининой дверью ужасно струсил. Что там? Как?

Как-как. Дина наша Моисеевна стала сильно старше. Сильно-сильно. Маленькая какая-то.

— А, тимуровцы мои пришли! — сказала она сразу. — Огромные какие! Ну, рассказывайте, чем вас мучают в нашей школе.

И я сразу забыл, что она какая-то не такая. Дина как Дина, ничего особенного. Очень смеялась, что Костик Зайцев.

— Ты не обижайся, просто я Игната всё время Зайцевым звала, до третьего класса не могла запомнить! Ну вы даёте: Волков и Зайцев!

В общем, легко у неё было. Весело.

А потом мы пришли обратно в метро. И Заяц потащил меня куда-то, в конец станции. Нам туда не надо было, нам в центр, а тут обратно. Но он сказал мне:

— Смотри!

Я сначала не понял. А потом увидел. В мраморе рисунок такой приступает. Будто лицо. Мальчишка с ромбом на щеке.

— Это мальчик-клоун, он же мальчик-чайник, видишь — ручка? — сказал Заяц.

— Ух ты, — кивнул я.

— Я давно его увидел, ещё в детстве. Я сюда заниматься ездил, гимнастикой. И тогда запомнил. Никому не показывал ещё.

— Очень круто. Класный мальчик-клоун.

Какой он глазастый всё же, чего увидел. И сейчас мы с ним вместе увидели в мраморе смешную парочку, назвали их Кузя и Длинноухий. Красивый тут мрамор, на Динамо. Буду ещё смотреть.

И никогда мне Заяц не говорил про гимнастику. А я думал, всё знаю про него.

Потом мы сели в поезд. И я увидел на схеме, что станция Динамо названа в честь Дины.

Так и написано: Дина Мо, Дина Моисеевна.

Сразу написал ей. А она удивилась: столько лет там живёт и ни разу не подумала об этом!

* * *

Еду по Малой Грузинской, как раз мимо общежития Консерватории и костёла. Специально притормаживаю — вдруг труба?... Нету трубы, скрипки только какие-то. Ладно.

Думал, дальше срежу угол через двор. А там стройка вдруг. Раскопано всё. Табличка висит: «вход на территорию без каски строго запрещён!»

Территория-консерватория.

Плохой асфальт, чуть не упал, да ещё девушка шла с собакой, большая собака, чуть не впечатался в поводок.

А, вот теперь нормальный асфальт, наконец-то. Светофор загорелся зелёным, можно гнать.

Да, я заметил такую штуку. Слова вот эти, которые не стихи. Они приходят ко мне в голову только на бегу. Только когда я лечу. Стоит остановиться — всё. Трансляция заканчивается.

* * *

Запрещено без каски
Входить на территорию.
Собака породы хаски
Живёт в консерватории

Собака волчьей окраски
С голубыми глазами
Придёте слушать симфонии —
Её увидите сами.

И если вы без каски
Зайдёте на территорию,
Собака породы хаски
Запрёт вас в консерватории.

* * * Кому много дано

И потом, уже у самого дома, я встретил соседку из Танечку, Татьяну Борисовну. Она старенькая, но её все Танечкой зовут, весёлая она. Из-под берета такие торчат у неё... Букли. Смешные. Еле идёт с сумочкой своей. Во втором подъезде живёт.

— Давайте помогу? — говорю.

— Что ты, Игнат, ты же торопишься! Я дойду не спеша. Беги, спасибо!

И я вдруг понял. Что не так-то и тороплюсь. То есть, конечно, мне трудно медленно ходить. Ну, почти невыносимо. Но не тороплюсь же.

Прошли мы с Танечкой, поговорили. Я её сумку на самокат повесил и старался шаги лилипутские делать. Всё же жуть как неудобно. Шли, наверное, полчаса сто метров. И она мне про фотографии рассказывала. Как ещё ни у кого не было фотоаппарата, а у неё был. Лейка. И сейчас есть, может показать. И как она фотографии делала, какие там реактивы были нужны. А сейчас даже обидно: любой может щёлкнуть на телефон. И такое качество!

Качество. Ну, мы же с ней понимаем, что старые фотографии чёрно-белые в сто раз лучше телефонных.

— Нет, — говорит она, — не всегда. Телефоном можно тоже чудесно снять. Интересно. Портрет, например. Главное, можно модель застать врасплох. И она не успеет тебе «сделать лицо».

Вот так старушка! А я ей говорил то, что она хотела услышать. А она со мной спорит ещё.

— У моего двоюродного брата самокат был, — вдруг вздыхает она, — а у меня не было. Я всё ждала, что он даст мне покататься. Он большой был, я маленькая. И почему-то потом у нас уже не было самоката. Не такой, конечно, как у тебя, у нас был деревянный, с большими колёсами. Красный такой.

— Хотите, я вас прокачу? — говорю я и сам пугаюсь. Как вот я её, а если уроню?

— Ты мне льстишь, Игнат, — вздыхает она. — У меня свой темп, у тебя — свой.

— Жалко, — говорю я. Мне и правда жаль.

— Да нет, — вдруг улыбается Танечка, — каждому своё. У меня дела медленные, вот и скорость невелика. А тебе вон сколько всего надо успеть. Кому много дано, с того много и спросится. Всё, спасибо, мой подъезд. Беги дальше!

И она вдруг сфотографировала меня на свой телефон. Такая смешная, правда, Танечка.

Я рванул к своей двери и бегом по лестнице, ещё чего, лифта ждать.

Самокат больно треснул меня сзади по ноге, по самой косточке.

Кому даны ноги, тот может получить по косточке.

Ерунда, конечно. А вообще да. Кому много дано — с того спросится. Красиво. Мне вот много дано или как?

Мне дана скорость. И на этой скорости мой самокат задевает что-то такое, отчего все вещи с вешалки падают на меня.

Не сразу встаю. Немного лежу, дышу каким-то пальто. Пуговица холодная у него. Лежу и думаю о смысле жизни. Нет, мир всё-таки прекрасен.

* * *

Включаю воду. Холодная. Ууу, нужели отключили? Кручу кран — ещё холоднее. Это я перепутал, наверное, опять.

У нас неправильный кран на кухне. Синим горячая вода обозначена, красным — холодная.

Или... Или это в ванной, а здесь нормально. Я никак не могу запомнить, и всегда кручу эти краны, кручу! Казалось бы, да, ерунда, чего тут запоминать?

Но вот у нас в классе есть близнецы, Яша и Миша Левины. И у Миши родинки на щеке. Или у Яши. Вот, тоже. Казалось бы — так легко их различать, родинки же! И никак, третий год они у нас, третий год все путаются.

Оооо, какой кипятик пошёл! Я кручу кран обратно. А вода всё горячая. Надо подождать; я жду. Всё равно горячая! Руку сунуть невозможно! Ещё кручу. Хорошо, что не отключили. Но чего она такая горячая?!

Холодная. Резко. Вот что это? Это всегда так! Чуть-чуть кручу. Нет, холодная. Ещё чуть-чуть... Ничего. Ааа, горячая опять!

В общем, настроил воду к середине посуды. Вернее, ко второй трети.

Странное существо человек. То ему жарко, то холодно. Деликатное, дрожащее. Ведь как точно температуру нужно выстроить, чтобы ему было хорошо! На Меркурии он не смог бы, на Марсе тоже. Да нигде. На Земле ничего ещё, и то. Плюс-минус двадцать градусов, и катастрофа. Каких-то жалких двадцать градусов!

А во Вселенной знаете, какие перепады температур?!

Хорошо, хоть человек этот несчастный одеваться умеет. А если голый? Вообще тогда караул.

То ли дело всякие звери. Или вот деревья. Стоят себе, не жужжат.

На Меркурии, кстати, минус сто восемьдесят ночью. А днём... Днём я забыл.

Смотрю в гугле, в телефоне. Ничего так себе, там сутки длятся наших два месяца. А год — 88 дней. Выходит, в году меньше двух суток. Я и раньше знал, но забыл. Странная планета.

... И тут пришла мама. И выключила воду.

— Ты что?! Я же посуду мою!

— Вижу, как ты моешь.

— Мне срочно надо было одну вещь посмотреть; а так я мою!

— Ну чего ты кричишь? Тебе трудно опять воду включить, что ли? Мокрыми руками в телефон лезешь...

— Я знаешь, сколько её настраивал? Воду! Она то горячая, то холодная всегда!

Мама берёт и включает воду. И она у неё сразу нормальная.

— Как это?

— Опыт, сын ошибок трудных, — говорит она. — Просто ты торопишься и крутишь зря.

И ничего не зря.

А температура на Меркурии 400 градусов днём. Вообще. Горячее, чем в духовке!

* * * Шолпан

— Куда ты всё время несёшься?

Как это вот она может так медленно ходить?

— Мы же никуда не опаздываем, — говорит Шолпан, медленно, как будто поёт. И время будто останавливается. Я смотрю на неё и произношу про себя имя: Шолпан. И думаю, что это очень красиво. Не сама Шолпан, а имя.

— Хочется скорее приехать, — объясняю я, хотя такому тормозу, как она, это не понять.

— Зачем?

— Не тратить время... На дорогу, лишнее время.

— Оно не лишнее, — говорит Шолпан, — смотри!

И я смотрю. И вдруг вижу осень. Будто стоп-кадр. Стоп-кадр из жизни; я стараюсь запомнить всё, до маленького листочка, который завис в воздухе. Липовый. Возле школы растут липы. И каштаны. И клён; так медленно крутится кленовый вертолётчик, я вижу, как в замедленной съёмке. Какая осень. Сколько цвета. И как будто дым. И пахнет дымом. И цвет жёлтый и красный, и зелёный. Но не как светофор, а другое; сто разных красных и тысяча пятьсот жёлтых. И синий, синий надо всем, и сквозь всё. И тут. Вдруг. Во мне вспыхивает имя.

Серафима Семафорова.

... Я опомнился в школе, в раздевалке. Я уже выходил из неё, а Шолпан только заходила.

И я вспомнил, что уже видел её сегодня. Вот, она только заходит! А я!

Она смотрит на мои ноги. Улыбается. Я тоже смотрю. И вижу, что у меня один ботинок школьный, а второй — вообще не ботинок, а кроссовка уличная.

В общем, я полчаса искал свой ботинок и вторую кроссовку в этой толкотне. И когда зашел в

класс, Шолпан уже там сидела и улыбалась. Вот, думаю, сейчас скажет — ну что, выиграл своё время?

Но она не сказала. И вообще, улыбалась не из-за меня, а просто в окно.

И я забыл про неё, я только помнил, как медленно падал липовый лист и завис в воздухе кленовый вертолётчик. И имя: Серафима Семафорова. Что это, откуда оно берётся. Имя из гремящих, дребезжащих, грохочущих железом 20-х годов прошлого века. Если бы я был писатель, я бы написал книгу про Серафиму Семафорову. Но в книге должен быть сюжет, одного имени маловато. А у меня в голове, кроме имени, ничего нет.

* * *

Я начал осваивать скейт. Хорошая штука, доска на колёсиках. Пока не так хорошо научился, как на роликах. Теряю скорость, и маневры не освоил ещё. Но учусь.

Мы шли с Зайцевым. Тренируюсь со скейтом. Предложил ему, но он не хочет. Стесняется, что не умеет. Надо будет когда-нибудь его поучить. А то что он так, всё пешком и пешком!

Я старался притормаживать, но всё равно постоянно оказывался впереди. Мы шли и молчали. Чего говорить-то?

— Хобот, — вдруг сказал я, почему-то вслух. Обычно же про себя.

— Чего — хобот? Где?

— А вот, — я показал на синий опель, — видишь номер? Буквы.

Буквы были такие: ООТ.

— Это игра такая, — стал объяснять я, — видишь номер, и нужно придумать слово. Чтобы буквы в этом же порядке шли.

— А, робот. Или топот, — надо же, как Заяц сразу понял!

— И чем короче слово, тем лучше. И чем ближе буквы друг к другу. В идеале — подряд.

Вон, смотри: КВН.

— Квакун какой-то у меня получается.

— Квант, — сказал я.

— А у меня ещё... Ещё... ликование.

Ого!

— Круто, Зайцев! Красиво.

— Хорошая игра, я не знал раньше.

— Конечно, никто не знает... Это моя.

— Ты сам? Придумал?

— Ну да. Знаешь, Лёвка маленький был когда, мы с ним ходили гулять, с коляской. И нужно было так ме-е-едленно идти, и это так скучно было. И я придумал такую игру. А потом мы с мамой все машины уже выучили, которые по дороге были, от дома до парка.

Одни и те же ведь стоят всё время.

— Неужели на любой номер можно придумать?

— Думаю, да. Кроме... Знаешь, там фургон стоял такой древний, у него номер ещё старый, советский. ШММ. И вот этот ШММ меня мучал пару лет. Никак!

— И что, так и не придумал?

— Нет... Если бы шмн — то шимпанзе было бы, или шаман. Шарманка там. А так... Ну, какой-то бред вроде шумоизмерения. Но таких же слов нету, вроде. Так и не придумал.

* * *

... И тут мне позвонила бабушка. Я ответил:

— Привет, ба!

— Натик? — спросила бабушка громогласно. — Как вы там живы?

Зайцев хрюкнул. Слышал. О нет, нет! Я кивал бабушке, а сам думал: Заяц, ты же не станешь, ты же никому!!! Потом не выдержал и нажал отбой, вроде как связь прервалась.

И молчу. И Заяц молчит, улыбается себе.

— Чего вот ты ржёшь!

— Ничего. Да ты не бойся, я никому. Меня тоже, знаешь...

— Что — тоже?

— Ещё похуже. Угадаешь, нет?

Я пожал плечами, куда уж хуже.

— Котик! На весь двор, представляешь — Котик, ты не замёрз?! Это не в детстве, это вот сейчас!

Дааа. Наши бабушки сила, конечно. Сила любви. Сейчас провожу этого Котика Зайцева и перезвоню ей.

* * *

Раскопали, расковыряли мой асфальт; и где мне теперь ехать?! Обходить с самокатом по деревянным мосткам так неудобно, толкаться в толпе. И я еду другим путём. Он дольше, но зато!

Пока слежу за бордюрами и трещинами, дорога вроде хорошая, но незнакомая. Лечу. Ура!

Асфальт отличный, скорость моя сравнима со скоростью самолёта на взлётной полосе.

Кажется, ничего не стоит толкнуться посильнее и полететь, только бы скорость ещё набрать.

И тут я вижу дом.

Их пять домов, одинаковых, типовых. У нас в районе полно таких. Но один из них выкрашен в какой-то необыкновенный цвет. Вроде бы фисташковый, но немного светлее. Нежный такой цвет; в солнечном освещении и на фоне неба он кажется нереальным.

Вот дом необычного цвета,
Живёт в нём Синявина Света.

Фу, какая гадость вышла. Причём тут Света. Она... Ну, неумная просто. Ничего больше про неё не буду говорить, я же не злой.

Синявина Света,
Артистка балета...

Бред какой-то. Света и балет — это примерно как я и туризм.

И тут я даже остановился. От какого-то холода. Я вдруг понял, что слова уводят меня не туда. Рифма. Она не всегда права, а иногда — просто врёт, как со Светой этой. Мне хочется вычеркнуть эти строчки из головы, выкинуть, они мешаются, как нелепое граффити на стене этого дома.

Вот дом необычного цвета,
Живет в нём Синявина Света,
Артистка балета,
Невеста поэта...

Меня сейчас стошнит. Выворачивает, по-настоящему. Есенин нашёлся. Придурок.

Бездарность. А я-то думал, со мной... Что-то такое разговаривает. Ну, не небо. А какой-то другой мир. А он подsunул мне огрызок от яблока под колесо. Чуть не загремел.

... Но цвет дома всё равно фантастический. Он же не виноват, что у меня такое в башке.

* * * Абрамов

— Сиди, пока я не вернусь!

Закрывает дверь и уходит. Абрамов. Не просто закрывает, а запирает. На ключ. Два оборота: щёлк, щёлк. Чего я такого сделал?!

Абрамов Е.П.

Самый нечеловеческий учитель в школе. Другие там замечание в дневник. Или просто наорут. Но это — что вообще! На ключ!

Это же лишение свободы! Разве оно заслужено?!

Я что, преступник? Какое право он имеет...

Щёлкает замок. Я мечусь в классе, как псих. Это невозможно, как вот это!

Есть такая болезнь — клаустрофобия. Боязнь закрытых пространств. У меня, наверное, как раз она. Если я сейчас задохнусь здесь от ужаса, кто будет отвечать?!

Дёргаю дверь. Если сильно дёрнуть, можно выбить шпингалет сверху, и дверь распахнётся. Дёргаю сильнее, сыплется штукатурка. Никто! Не имеет! Права! Ограничивать мои передвижения! Дёргаю ещё, ещё! Нет, если бы замок на один оборот...

А так два. Не откроется.

А вот окно, кстати. Ведь не так уж и высоко. Точно, окно!

Я смотрю вниз и вижу: обитая жестью крыша подвала, блестит на солнце. Не прямо под окном, но можно прыгнуть и попасть на неё... Теоретически.

Во дворе катаются на своих досках какие-то младшеклассники. Одного я знаю; он Певчий. Не в смысле поёт, а фамилия такая. Имени не знаю как раз.

А так два. Не откроется.

А вот окно, кстати. Ведь не так уж и высоко. Точно, окно!

Я смотрю вниз и вижу: обитая жестью крыша подвала, блестит на солнце. Не прямо под окном, но можно прыгнуть и попасть на неё... Теоретически.

Во дворе катаются на своих досках какие-то младшеклассники. Одного я знаю; он Певчий. Не в смысле поёт, а фамилия такая. Имени не знаю как раз.

Рама заклеена. Я отдираю белую ленту, пусть, пускай! Я не могу здесь, у меня будет разрыв сердца, или чего там ещё, не знаю; но я точно взорвусь! Отдираю, открываю окно — в раме дрожит стекло.

— Эй, Певчий! — кричу я.

Певчий замирает от восторга, что я, старший, к нему обращаюсь.

— Можешь принести мой скейт? В раздевалке стоит. Знаешь мой?

— Знаю, — кивает он. — А зачем?

— Надо!

Симпатичный вообще пацан этот Певчий, шустрый. Вот и мой скейт.

— А как ты спустишься? — спрашивает он.

— А вот так!

Я вылезаю из окна. Вообще-то страшно, высоко ведь! Ногами наружу сажу. Холодно. Куртка в раздевалке.

Можно перевернуться на живот и аккуратно сползти, достать носком до крыши подвала...

Так безопасней. Но люди! Люди смотрят, Певчий этот, например...

Я спрыгиваю.

О, какой грохот! Все барабаны во вселенной не дают такого грохота!

Качусь по крыше, спрыгиваю, вскакиваю на скейт...

Почти как ковбой в кино.

За мной же никто не гонится!

Хотя — как не гонится, вон охранник кричит что — то!

Я еду вниз, под уклон. Сейчас неважно, куда, главное — скорость. Всё быстрее, быстрее!

Хорошая, быстрая машина, не хуже самоката, и неплохо я научился! Нет меня, не догоните, не ищите!!! Ушёл, как колобок!

Что дальше? Не знаю, что дальше. Какая разница? У меня даунхилл!

* * * Подарок судьбы

Отменили черчение, и я — вжжжик! Уже дома! Ну, в подъезде, по крайней мере. Ещё только заканчивается шестой урок, а я уже здесь! Главное, нигде не зависнуть. Не открывать никаких интернетов, тем более — книжек. Есть страшно хочется, так что я съем то, что есть, холодное, со сковородки (ещё чего — греть! Перекладывать в тарелку, потом мыть! Зачем это?...), а потом ... (кстати, что там, в сковородке, интересно?... Если курица, то даже и хорошо холодную). Опять отвлёкся; значит, я съем сейчас всё, что найду в квартире съедобного, и...

Я так и не решил, что я такого сделаю потом, в освободившиеся полдня. Потому что я забыл ключи. Понимаете? Нет ключей! И хорошо, если забыл, а не потерял...

Сажусь прямо на самокат под дверь. Он почти чистый, прямо так сажусь. Влево-вправо, езжу тихонько... Что делать?

Ну, ясно что. Бежать. К маме в театр, за ключами.

Сумку с учебниками бросаю прямо здесь, на лестничном подоконнике (кому нужны мои учебники?...)

И лечу на метро. В общем, тут до театра полчаса, не так уж и сильно я испортил себе день.

Звоню маме с проходной служебного входа.

— Игнат? Что, ключи? А, так ты уже здесь? Слушай, так это отлично! Я сейчас!

Она спускается, такая «другая мама», рабоче-театральная. Мне страшно нравится, когда она такая; и нравится, как уважительно с ней все здороваются: и охрана, и балерина, и какая-то суровая тётенька в чёрном пиджаке с брошкой-цветком на груди.

— Представляешь, у меня как раз перерыв! Полчаса.

— И что? — не понимаю я.

— Пойдём кофе пить! — говорит она.

Кофе пить... Это такое взрослое! Не «пойдём, я тебя покормлю». А совсем другое.

Мы идём не в служебный буфет, а на улицу, там французская булочная и два столика. Мне нравится, что мама перебегает дорогу без пальто, прямо как мы на перемене бегаем в киоск.

Мы садимся на подоконник, такие там широкие подоконники с цветными подушками.

— Здесь вкусные круассаны, — говорит мама. Никаких тебе «после супа».

Я вдруг придумываю одну штуку. Если сейчас круассаны и кофе куплю я, а не она. Это будет космически взросло.

— Два круассана и два кофе, — говорю я, и голос предательски ломается; ну и что, повторяю ещё раз.

Мама сияет.

А я спотыкаюсь, конечно, о свой самокат. И словно в замедленной съёмке вижу, как кофе вырывается из стакана, прямо подпрыгивает там, внутри, и ... Только не на маму!

И он слушается, и аккуратно проливается на самокат. Ну, и на меня немного, но главное — не на неё. Сейчас она скажет: ну, как всегда!

...Но она не говорит. И что джинсы буду сам стирать, тоже не говорит.

Просто даёт мне салфетку. И улыбается, улыбается!

Потом мы пьём кофе.

— Как у тебя дела? — спрашивает она.

— Нормально, — отвечаю я. Чего ещё говорить- то?

У неё звонит телефон.

— Женя? Извини, я сейчас занята... Да, потом. Мы тут кофе пьём. С кем? С Игнатом! — гордо-гордо говорит она и жмёт отбой.

И я тут же неожиданно рассказываю ей и про Марго, и про новенького Зайцева, мне вдруг становится так легко говорить...

И она тоже рассказывает про театр...

А потом ей надо бежать, и мы уходим, она бежит через дорогу... Я раскрываю самокат.

Внутри меня круассан и кофе, и какое-то страшное удовольствие.

Улица идёт чуть под горку. Ближайшее метро — совсем рядом, но вверх. И я не могу удержаться — еду вниз. Просто встаю на свой самокат и толкаюсь. Здесь не асфальт на тротуаре, а гладкие плиты, как в метро. Идеальные!

И я качу вниз... остаётся только чуть притормаживать — люди же, люди на тротуаре...

Машины стоят в пробке. А я лечу! Ослепительный, сумасшедший даунхилл! На полкилометра, наверное.

И потом, пока я еду в метро и привычной дорогой качу дальше домой, у меня в ушах только свист ветра и скорость, скорость, как я качу вниз по Дмитровке.

Внутри метро — его нутро
Оно многокилометро —
вое. И не влезает в стро...

И только в подъезде я понимаю, что забыл взять у неё ключи. Забыл!

Автоматически беру свою сумку с подоконника и встряхиваю её. Будто какой-то звон?...

Не мелочь ли?

...Нет, не мелочь. Ключи аккуратно лежат во внутреннем потайном кармане.

Их там не было! Я же смотрел!!!

... Это был мне подарок. Иногда за рассеянность полагается не наказание, а подарок. Вот, как мы с мамой пили кофе. Хотя это была не рассеянность, а... Ну, не знаю. Когда ключей не было — точно! — а теперь они есть. Это что?

* * *

Я опять в метро. Никого почти нет, и я сажусь. Чёрт, оказывается, устал. А было незаметно. Сел — и сразу ноги гудят. Открываю свой блокнот, пока не забыл рифму.

Проездная карта
Действительна до 22 марта

Рядом сидит девушка с планшетом. Студентка, наверное. Взрослая, лет 16. Тоже что-то строчит. Я кошусь в планшет и вдруг вижу: стихи. Слов не вижу, неловко смотреть в чужое. Но стихи, по форме видно.

Ничего себе. Она тоже сидит и пишет стихи, прямо сейчас!

Я записываю в свой блокнот, чтобы не забыть:

Рядом сидит девочка
И пишет стихи в планшет
Может, просто так,
А может, и нет.
Может, и правда — поэт.

Всё ж таки очень трудно удержаться и не посмотреть. И я смотрю. И вижу строчку внизу.

«Рядом со мной чувак пишет стихи в блокнот. Значит, такие не перевелись; а я думала — всё, аут».

После слова «аут» она поднимает на меня глаза. Обычное лицо, некрасивое, ничего особенного. Никогда бы не подумал... Такая толстоватая девочка, совсем не хорошенькая.

Она вдруг увидела, что я прочитал. И совершенно нахально заглянула ко мне. И тоже прочитала.

Вдруг мы начинаем хохотать. Сразу. Хохочем, и не можем остановиться.

Моя Театральная! Чуть не прозевал!

Я выскакиваю в закрывающиеся двери...

И даже смело машу рукой в окно незнакомой, совершенно незнакомой девушке старше меня. Она машет в ответ.

Уууу. Какой я идиот. На эскалаторе меня обдаёт чем-то холодным, даже начинает трясти.

Что это было?

Как люди влюбляются. Нет, не так, точно. Она некрасивая, я бы так никогда не подумал, что она некрасивая, если бы да. Влюбляются в красоту. Наверное. Или нет, я пока не знаю, не пробовал.

Но вдруг. Вдруг я никогда, никогда в жизни не увижу этого человека? Ты придурок, Игнат.

Ты должен был взять телефон. Ну... Имя, хотя бы имя, и найти потом вконтакте. Или... Да всё, что угодно!

Поезд ушёл. Я никогда не узнаю, кто это был.

А вдруг, через десять лет, я увижу по телевизору. И узнаю, и окажется, что это настоящий, серьёзный поэт. А я прошёл мимо. Не догадался проехать лишнюю станцию. Вскочил, помчался куда-то.

Придурок. Ребёнок. Никогда бы нормальный человек не сделал такую глупость.

Ноги отказываются идти. Я прислоняюсь к стене возле метро, закрываю глаза... Нет, сейчас какая-нибудь сердобольная тётушка спросит, не плохо ли мне. Фу, только не это.

Отрываюсь от стены и иду, иду. Быстрее, быстрее... О, нормально. Нормально уже. Всё, всё, дышу.

Что это было? Какое-то помутнение рассудка. Ладно, проехали. Я иду и просто стараюсь лучше запомнить это обыкновенное лицо, чтобы потом, через десять лет, узнать.

Что это было? Какое-то помутнение рассудка. Ладно, проехали. Я иду и просто стараюсь лучше запомнить это обыкновенное лицо, чтобы потом, через десять лет, узнать.

* * *

Трещина на губе. Губа раздувается, у меня дурацкое лицо становится, глупое. Болит губа, смеяться больно. И говорить неудобно.

Я должен чем-то заняться, главным в жизни. Что это — главное?... А то так просто, катаюсь, и всё.

* * *

Парень в парке катается на роликах. Взрослый, лет 25. Круто прямо катается, выписывает всякие кренделя. А рядом стоит другой и снимает его на телефон. Наверное, брат, сильно младше.

Смотрю, как этот, на роликах, делает ногами, что хочет. Я так никогда не научусь.

Интересно, сколько он тренировался?... Я бы хотел, хотел тоже. Где такому учат? Не, я не смогу.

И тут этот, с телефоном, говорит старшему:

— Круто, па! Нереально, я так не умею!

Ничего себе. Это отец и сын! Ну да, теперь я вижу. Старший снимает ролики и превращается в обычного дядьку, офисного работника средних лет. Теперь катается младший (у них что, одни на двоих?), конечно, неплохо, но до отца ему как до неба.

— Корпус не заваливай, — говорит старший.

Эх. А как, наверное, это круто: кататься с папой. Жаль, что мой не умеет. Не умеет ничего такого.

* * *

Функция. Почему такое слово гадкое, будто поликлиникой отдаёт. Функция, фу.

Функция, — пишу я на парте карандашом и показываю Зайцеву.

— А на физике — диффузия, — говорит он. И пишет: *диффузия*.

Я пишу: *инфузория*.

А Зайцев: *суперфикс*.

— Это ещё почему?

— Ну, «Фу» наоборот.

Фудзияма, — пишу я.

— Это ещё что?

— Вулкан в Японии, ты не знаешь, что ли?

— Я думал, собственные нельзя...

А Тонька увидела, что мы пишем. Вот зрение, как подзорная труба!

— Футбол, — говорит она.

Да, физкультура — *ФУтбол*. Но его же все любят?

— Костик, а ты вообще любишь футбол?

— Нет. Я плохо умею. Я больше волейбол люблю.

— А я вообще люблю, чтобы индивидуальный спорт. Каждый за себя. Биатлон там. Смотреть если. А так, сам — просто бегать лучше, чем за мячиком каким-то.

Надо же, попробуй найди человека, который не фанатеет от футбола. И любит игры со словами, да и просто слова.

Что вот мы, как не слова?... После человека остаётся что? Слова. Это много или что. Или пустое место, ничего.

* * *

Хочу, чтобы было дело. Не слова, а уметь что-то такое руками. Вот, мамин папа сделал стол. И мы за ним едим. Дедушка такой молчаливый был человек; а стол остался. Хотел бы я быть плотником, что ли?

Нет, конечно.

А писатель. После него только слова остаются. И вообще, полно профессий, которые только из слов состоят. Учитель, например.

Неужели наш мир держится на словах?

Я бы хотел поговорить об этом с Зайцем. Но как-то некогда. И странно; как можно сразу начать серьёзный разговор.

У меня в голове всё время идут слова. Это что, я просто болтун? И всё?...

* * *

Мы с Зайцем идём в столовую. И тут выясняется: этот дурачок на самом деле любит пирожки с капустой. А я ему тогда с яблоками оставлял! А он мне с капустой!

Вот, наверное, часто так. Делаешь другому лучше, а себе хуже. А потом выясняется, что тому, другому, и нужно было другое!

И ты, выходит, зря давился своим нелюбимым пирожком.

* * *

— Что, трудно было позвонить?... Просто позвонить!!!

— У меня телефон сел...

— У тебя всегда телефон сел! Всегда! Зачем он вообще тебе нужен, непонятно... Где ты был?!

— Катался, я же говорю... Что я, не могу покататься? Это что, плохо?!

— Где ты катаешься? Может, ты всё врешь!

— В парке, мам. Ну чего ты, в самом деле. Я что, похож на идиота?

— Если честно... Если честно, то да. Похож. Мы весь парк обегали с Лёвкой, как дураки. Я знаю, что ты врешь, и не понимаю, зачем. Может, ты куришь с какими-то наркоманами... Откуда я знаю?! Игнат, у меня сил нет...

— Чёрт, опять. Сколько уже можно, какие наркоманы? Ты хоть почитай что-нибудь, как отличить... Руки, смотри, видела? Смотри!

Я закатываю рукава. Потому что достало; ну что это за бред, наркоманы и я!

Она отворачивается.

— Ты с ума сошёл, убери, чего ты мне в нос тычешь... Думаешь, я тебе не доверяю, что ли...

Семь пятниц на неделе.

— Поскорей бы Фёдор уже вернулся... Я с вами больше не могу.

С нами? Лёвка-то чем виноват!

— Мам. Ну, это. Ну ты бы хоть посмотрела, как я катаюсь. Пойми, это... Ну, кто курит, тот не катается так. Это же как спорт. Я очень круто катаюсь, мам. Я знаешь, какой зато здоровый. Ты не бойся.

— Вижу, какой ты здоровый, — она даёт мне пачку салфеток. Точно, из носа течёт; но это с детства у меня, всегда течёт, такой нос дурацкий. — Только бы ты не сломал себе ничего... Катайся осторожно. Хоть по проезжей части не ездись?

— Нет... Я по набережным.

Я не понял, как это случилось. Почему я всегда боялся ей сказать, что я гоняю по набережным, по всей Москве.

И почему сейчас так безболезненно раскололся.

— Ты не думай, мам! Там же ни дорог, ни светофоров, просто гонишь, и всё, там безопасно!

— По набережным?... Это от улицы 1905 года, что ли... И до...? До Лужников?!...

— Ну... Там же Воробьёвы горы ещё... По метромосту. И до парка Горького, там же нормальная дорожка...

— Сказал бы, Игнат... Ужас. До Парка Горького!!!! Через всю Москву... Но сказал бы! И я бы не волновалась так. Мы там с папой всегда катались раньше.

— Вы?...

— Ну да, на велосипедах. Очень романтично, знаешь. Тогда ещё не было этих велодорожек, мы просто по тротуару ездили. Только ты там машинами там дышишь, — неожиданно говорит она.

Да, это точно. Это минус, там полно машин рядом. Когда-нибудь все набережные сделают без

машин, как на той стороне.

Я не могу представить, чтобы мои родители катались на велосипедах по Москве. Ну, никак. Хотя... Чего такого?

— Никак не могу привыкнуть, — говорит она, — что ты уже такой взрослый. Мы, вроде бы, такие же остались. А тут бац тебе — взрослый сын. По набережным гоняет. Один. Ты... Игнат. Перекинь водорода в карман. На всякий случай. И смотри, чтобы телефон всегда. Ладно?...

Я киваю. Перекинь так перекинь. Что мне, жалко.

* * *

Это было давно, Лёвка был ещё совсем мелкий. Мы были в Калининградской области, в Светлогорске. Там у папы друг, он давал нам свои велосипеды кататься. И мы ездили кататься, далеко, папа сажал Лёвку в специальное кресло на багажник. А мне достался девчоночий велосипед, с розовой корзинкой впереди. Я сначала отказывался наотрез, но папа эту корзинку открутил, и было не так заметно, что девчоночий. А я жалел потом этой корзинки. Потому что мы ездили далеко-далеко, на Куршскую косу. И там было море. И было жалко, что некуда положить камни.

И я так и помню, что мы едем, едем. И я отстаю. А папа спрашивает — ты не устал? И я мотаю головой, что нет. Не ноги уставали, а дышать. Вот так дышишь, дышишь, и вдруг уже не можешь, воздух кончается. Но я никогда не говорил, что устал. Точно.

В общем, я помню, что очень круто ехал, хотя был тогда небольшой, и велосипед был неудобный. А папа потом говорит, что я тогда ныл. Ничего я не ныл, не было такого. Это Лёвка ныл, наверное, в своём кресле, он перепутал.

* * *

Ааа, надо бежать. А носков нет. То есть есть, но все разные. Бред какой-то. Кому скажи — опоздал из-за носков!

— Игнат, чего ты там возишься? — кричит мама из кухни.

— Иду уже, иду!

Надеваю разные. Кто сказал, что должны быть одинаковые? Синий и оранжевый, полосатые оба. Подходит, я считаю. Потому что если, скажем, надеть зелёный и тёмно-зелёный. То будет видно: а, не нашёл пары! А тут видно, что я специально. Это не косяк, а креатив!

Если быстро ноги в кроссовки всунуть, то мама не заметит.

— Игнат, бутерброд!

Ууу, как не вовремя!

— Что это, — спрашивает она, — у тебя носков нет?

Я показываю, закатываю штанины повыше.

— Смотри, ты же художник, должна оценить! Сочетание цветов, а?

— А что, — говорит она. — Свежо, интересно!

Я даже растерялся, как она быстро сдалась.

— Бутерброд, ключи, деньги, карточка, — напоминает она. Я киваю. Но думаю о другом: может, это никакой не креатив? Чего она так легко согласилась?...

— Но всё же это не в стиле, — говорит она.

А, тогда нормально.

— Чего ещё не в стиле?

— Шнурки одинаковые. Раз носки разные, шнурки тоже разные должны быть. Купи на обратном пути.

— Разные купить? — не понял я.

— Вот же тормоз у меня сын. Две пары купи, балда, разного цвета!

Я киваю, выскакиваю за дверь.

— Игнат! Шарф!... И вообще имей ввиду. Что иногда мужчина должен уметь выглядеть не клоуном. Бывают такие ситуации.

...Разных носков моих никто в школе не заметил, даже обидно. И главное, только я зашёл, мне Костик Зайцев как заорёт:

— Шаманизм!

— Чего? — не понял я сначала. Он даже расстроился:

— Ну как! Ты не понимаешь! Слово такое — ша-ма-низм!

И я понял. ШММ!

— О, Заяц! Ты крутой. А точно такое есть?

— Точно! Я в гостях был, а там такая книжка лежит на полке — «Шаманизм народов Сибири». И я сразу вспомнил!

Фантастика. Я думал, я один такой псих, ходил и думал про это ШММ. Выходит, Заяц тоже ходил и думал! Во даёт.

И я забыл про свои носки разные, даже не похвастался ему.

А шнурки я и точно купил, все, какие были цветные. Если окажутся лишние — будем с Лёвкой из них узлы вязать. Пусть учится.

А бутерброд я тогда всё-таки забыл. Ну и ладно; в столовой вкусная пицца была.

* * *

Я раньше часто ходил к маме на работу. Лёвки тогда ещё не было. Меня надо было куда-то

девать, вот я и был в театре. Болтался по коридорам или читал. Смотреть спектакли я никогда не мог. Мне было не высидеть, физически. И я начинал сползать со стула, потом возился под ним, сиденье хлопало... А потом меня тётенька выводила в коридор, такая специальная зелёная тётенька в форме. Не ругала, просто выводила. И говорила: походи здесь, только тихонько, не упади. И потом уже появлялась мама и забирала меня, или давала книжку. С книжкой я мог сколько угодно сидеть, с любой.

Вообще мне всегда было непонятно, как это люди приходят в театр сами, слушать. То есть покупают билет, платят деньги, чтобы потом за это тихо сидеть?! Просто сидеть на одном месте! Даже шевельнуться нельзя, ну, ногой там побить об ножку кресла...

Сейчас я понимаю, что есть люди, которые и правда очень сильно любят оперу или балет.

Но тогда я думал, что они все притворяются, чтобы выглядеть умными.

В общем, театр не приводил меня в восторг.

Но была вещь, которая... Которая как раз восторг. Это труба. Не какая-то там труба, а музыкальный инструмент. Я видел, как музыканты в оркестровую яму заходят, и мама меня туда водила, в яму. И как-то даже спросила: какой тебе инструмент больше всего нравится?... Я так удивился, что она спрашивает. Мне казалось, тут и вопроса быть не может. Ещё я думал, что все хотят играть на трубе. Но в трубачи берут самых талантливых. А тем, кто не такой способный, достаются другие инструменты.

А ведь я об этом уже говорил. Ну и ладно. Я часто думаю то, о чём уже думал раньше.

* * *

Притормаживаю у остановки. Может, всё-таки автобус... Он иногда бывает полезен — в нём я могу сделать по дороге алгебру. И ноги, всё же... Ну, передышка. Или нет, я уже целых полторы минуты жду, и нет никакого автобуса; так можно до вечера прождать.

Я уже почти толкаюсь ногой, но вдруг замечаю человека. Да, на остановке стоит человек.

Иногда бывают такие люди. На которых хочется смотреть. Не то что бы она очень красивая (да, это она), просто... Ну, красиво стоит. И волосы красивые, то есть не сами по себе, а всё вместе. И вдруг я понял, что это мама. Моя мама. Ничего себе. Я как будто первый раз так её увидел, как незнакомого человека со стороны.

Я хотел, конечно, подойти, но она говорила по телефону. И я растерялся — вроде бы, и подойти надо, но она же говорит, и мешать нельзя... Как-то это очень быстро произошло — я не хотел, конечно, слушать, что она говорит. Но уже так получилось, что подошёл и услышал.

— Понимаешь, я вообще не знаю, что бы я без него делала, — сказала она в телефон.

Интересно, про кого это. Ну, по работе, скорее всего.

— Я никогда не думала раньше. Понимаешь, ведь он всегда был такой оболтус... Да нет, такой же рассеянный, но это неважно. Понимаешь, Жень, просто я теперь знаю, что в трудную минуту могу рассчитывать... А? Нет, не особо учится; носится по городу на своих самокатах... Но я правда не понимаю, что бы я без него делала, — повторила она.

И я понял, про кого. И тихо, тихо отполз со своим самокатом. Огородами.

И поехал медленно, не спеша.

Я никогда не знал. Что она рассчитывает на меня. И вообще... Это неправда. Я же всё забываю. Но вот это... Чтобы она без меня делала. А я-то всегда думал, что у неё от меня одни заботы и неприятности.

* * * Жук

Я лечу на роликах, по набережной. Рассекаю. Именно рассекаю, воздух, я его чувствую — и асфальт чувствую, мне иногда нравится ехать таким классическим коньком, не устаёшь, просто спокойно едешь — и получается очень быстро.

Левой! Правой! Вода, река. Здравствуй, Здравствуй, речфлот, но я не хочу думать даже про тебя, нет мыслей: левой, правой, дышать. Проветриванье мозга.

Ой!

Человек.

Лежит.

Я проскочил мимо. Ну, пьяный. Мало ли. И потом, что я. Что я могу?

Стоп.

Ааа, чччёрт!

Неловко затормозил, пропахал локтем.

Заорал даже.

Вот всегда так, хочешь, как лучше — и получится какая-нибудь гадость. Рукав порвал.

Поковылял к мужику этому. Лежит. Может, свалить лучше?

Неудобно на роликах. Фу, пахнет от него как. Но не алкоголем, а... Ну, как от бездомных.

Мимо прочесал дядька на велосипеде. Даже не посмотрел. Потом парочка проехала на роликах, за руку. Ненавижу влюблённых. Что им, ни до кого дела нет? Я один должен?!

— Эй, — сказал я ему. — Вы как?...

Идиотский вопрос.

Он чуть повернул голову, и я отшатнулся. Лицо в крови. И... Какая-то рожа жуткая. Что это?!

— К-как, — сказал он, — к-как же...

Ему нужна помощь. Точно. Не пьяный. Больной? Я оглянулся. Чёрт, чего они! Третий уже мимо прочесал в наушниках своих! Машины тоже мимо несутся...

— К-как жже, — сказал он. — ккак... Жжжжук...

И вдруг я понял. Упал, как жук. Встать не может. Это он шутит.

— Помочь как-то? Позвонить, может, куда?

— Просто... П-просто на ноги встать. П-понимаешь?...

А! Он не может встать сам. Я увидел — у него палка. Трость. Наверное, с ногами что-то.

Страх прошёл, полностью. Он плохо ходит и упал. Может, его сбили тут. Носятся, как психи...

— Давайте, давайте! Держитесь!

Он оказался неожиданно тяжёлый. На роликах неудобно, я встал коленками прямо на асфальт. Он схватился за меня. Сильно; за меня ещё так не хватались. Лёвка только, но он ничего не весит.

— Нет, погодите. Ролики сниму, не могу так.

Вдруг какая-то девчонка из-за моего плеча.

— Что случись? Помочь?

Нет, не девчонка, лицо взрослое. Может, постарше даже мамы моей.

— Поднять надо, — объясняю я, — он больной, не пьяный!

— Давай с двух сторон, — говорит она. Надо же, я думал — как мне за него взяться, всё же неприятно это, грязный он какой-то. А она сразу схватила под локоть, и мы почти поставили его, но он опять упал... Она хоть и взрослая, но по весу как я; мне кажется, он тяжелее нас двоих вместе.

Какой-то велосипедист, наконец, остановился.

Хлоп — сразу схватил нашего под мышки, поставил. Я подал ему палку.

— Стоите? Нормально?

Тот кивнул.

— Сейчас, у меня аптечка есть, — сказал велосипедист, и правда, под седлом у него сумка, там и бинт нашёлся, и такая шипучая штука, перекись водорода. Про которую мне мама говорила, а я забыл.

— ДЦП? — спросил велосипедист.

— Похоже, — кивнула женщина. — Парень, вот, его сбил...

— Я?...

Меня захлестнула обидой, так сильно! Что даже объяснять ничего не стал. Пускай сами разбираются. Сижу, надеваю ролики. Пусть сами! Уеду, и всё!

— Это не он с-сбил, — объяснил им наш пострадавший. Оказывается, он может говорить нормально, почти всё понятно. — Он к-как раз поднимать стал. С-спасибо. Всё, я с-сам.

Он постоял ещё, а потом поковылял себе. Я даже не ожидал, что он так быстро может ходить,

подворачивая ногу.

Велосипедист уехал на своём велосипеде. Тётка ещё хотела чего-то, но он её отправил: всё нормально, не нужно. Сам. Могла бы извиниться вообще.

Я всё же защёлкнул свои ролики и поехал домой. Как-то не катается больше. Во-первых, руки хочется вымыть. Во-вторых... Как-то стало мне неловко. Что я могу вот так гонять, быстро. А он не может. И никогда не сможет.

Наверное, некому за ним особо ухаживать, вот и выглядит он так. И запах... А ведь он нормальный, совсем нормальный человек внутри — пошутил же, что лежит, как жук... И спасибо сказал.

А если бы я не остановился? Первым. Остановились бы те двое или подумали бы — фу, пьяный?...

Наверное, я ему помог всё же. А? Не знаю. Но, вроде бы, всё правильно. Просто не хочу кататься больше. А так — всё правильно.

Просто мир устроен неправильно. Что кто-то не может вот так кататься. Как я.

* * *

Они идут и пьют кофе из бумажного стакана. Мне всегда тоже хотелось. В этом есть что-то дико взрослое, так, на бегу пить кофе. Мне казалось почему-то, что это страшно вкусно.

Вернее, мы ходили как-то гулять с папой. И он сказал: подождите, я сейчас.

И притащил Лёвке сок, а нам с мамой кофе в таком стаканчике. И было вкусно просто ужас как.

Но самому мне страшно как-то было покупать. Я не умею. В нашей столовой — легко, и в художке тоже. В обычном магазине продукты тоже просто покупать. А это... Это другое почему-то.

Зайти в кафе и сказать: кофе с собой. Чего такого-то.

Но во-первых, на эти деньги в школе можно нормально поесть. Во вторых... Не знаю. Чего-то страшно.

А потом я решил, что надо бороться со своими комплексами. И что если чего-то очень хочется. То.

И тут как раз на пути из школы открылась булочная, и там написано: кофе с собой. Какие-то магические слова.

В общем, я твёрдо решил: сегодня попробую. Потому что у меня пять/пять за сочинение, попробуйте-ка сами! Это первый раз за год у меня такое. Так что я заслужил и вообще. И вообще, разве я недостаточно взрослый?

В общем, да. Пошёл и купил, и нормально.

Такой... Горячий.

И дальше что.

Оказалось, кофе с самокатом несовместим. То есть куда его девать, стакан? Как только я взял самокат, сразу рук не осталось. Я, конечно, умею одной рукой рулить. Но страшно неудобно почему-то. Глупо. Вот же идиотское положение. То есть если остановится и пить.

То зачем тогда с собой?! Я ненавижу, если что тормозит движение.

...Я вспомнил, что это похоже на мороженое. Мне тоже всегда его хочется, но самое лучшее — это момент покупки. Секунда. Ну и когда первый раз откусываешь (не кусай, говорила мама, простудишься! И никогда я не простужался, враньё это всё).

В общем, откусишь. Вкусно. А потом это мороженое начинает страшно мешать. Капает на джинсы (всегда!). И руки липкие. И самокат некуда, опять же... И уже жалеешь, что купил.

Тут тоже так вышло. Вкусным был только первый глоток. А потом стало страшно неудобно.

Я опять попытался одной рукой рулить — странно, я же вообще я умею, по телефону спокойно на самокате говорю. Но со стаканом чуть не навернулся. Пролил на кеды, но это ладно, на них чего только не проливали. Надо сегодня стирать. Или завтра.

В общем, я его доглотал и обрадовался, что кончилось. Ура. А мусорки нет.

Мимо мусорки я ничего не бросаю. Из принципа.

Ууу, замучился с этим стаканом дурацким!

Хотя. Всё же в этом что-то было. Что я был такой, со стаканом. Взрослый, как будто уже студент. И вкусно, всё равно вкусно. Сахара много.

И самое главное — целый месяц потом не хотелось. Потому что всё думал, что кеды надо сначала постирать.

* * *

Я еду в метро и мну этот стакан в руке. Бумажный. На нём можно писать ведь. Я в последнем вагоне, в тамбуре, там можно ловко самокат пристроить и не толкаться.

Как смешно математичка сказала сегодня: достаньте ваши знания из небытия! Из небытия.

Достаю из кармана икеевский карандаш.

Стихи на бумажном стакане

Слова в мировом океане,
В мусор наверняка.
Динамо против Спартака,
Бытие против небытия.
Слова наверняка сгорят.
Для этого есть
Мусоросжигающий комбинат.
Почти не быть лучше, чем
Не быть совсем.
Слова отправляются в путь.

Хочется рифму «не забудь».
Не забудь не забыть
Я в метро. Пора выходить.

* * *

Марго говорит:

— Сочинение. Это методкабинет, я не хотела.

— Почему не хотели? — спрашиваю.

— Тему такую не хотела, — говорит она, — это не я выбираю. Но, братцы, ничего не поделаешь. Тема такая: «Человек, на которого я хотел бы быть похожим».

— А чего, нормальная тема, понятная, — говорит Тонька.

— Конечно, понятная. Дорогие мои, я прекрасно знаю, что мой класс в состоянии отлично написать такое сочинение одной головой, совершенно не пропуская его через себя. Я имею ввиду, каждый своей головой, Яценко. Но попробуйте всё же написать всерьёз.

Подумать. Не для галочки.

— Когда думать-то, — спрашивает Тонька. Да, она страшно занятая у нас, музыккалка плюс спорт, не знаю, как она это гребёт.

— Это должен быть литературный герой? — спрашивает Зайцев.

— Конечно, если вы выберете своим нравственным ориентиром литературного героя, мне будет приятно. Как учителю литературы. Но по человечески интересно, если вы напишете то, что действительно думаете. Хорошо, Игнат? Это... Это моя личная просьба.

А чего Игнат сразу?!

Кстати, я заметил: она перестала меня звать Зайцевым, когда Костик появился. Но чтобы не перепутать, всё же предпочитает по имени.

* * *

...Я хотел бы быть похожим... Похожим быть... Не знаю. Чего им нужно? Ну, кто.

Дубровский? Не плачь, Маша, я здесь... Да нет, другое, нужен не Гребенщиков, а Пушкин.

«Я бы хотел быть похожим на Владимира Дубровского». Ага. И разгромить нафиг всю школу, если нас кто обидит. Ну, это я так. Я понимаю, конечно. Но на самом деле: хотел бы я? Благородный разбойник, Робин Гуд... Нет, нет, конечно. Чтобы с ножом или пистолетом к живому человеку... И потом, вот, его крестьяне. Дубровского. Они что? Он их бросил, выходит? С ними-то что стало?...

Нет. Если совсем честно — это не мой герой. Я бы на его месте... Нет, мне там больше всего нравится история с медведем, когда он Ле Форж. И вот это: «Маша, вы свободны». А всё остальное...

Марго просила честно. Кажется, лично просила. Именно меня.

Я перебрал таким образом всю школьную программу. Потом другие книжки.

Больше всего я похож на Ёжика в тумане. Это правда, кстати. Я не то что хотел бы, я на него и похож. «Я в реке. Пускай река несёт меня».

Ладно, а если не книжки. Правда — чего бы я хотел?... Быть похожим... Быть каким? Я пролетаю мимо киоска с журналами, да, я думаю это сочинение на бегу; а когда ещё думать, права Тонька. Там такие... Такие есть на журнальных обложках красавцы, одни с голыми торсами, другие в пиджаках-галстуках, но все светят зубами. Как это им удаётся?

У меня нормальные зубы, но чтобы так сиять... Думаю, фотошоп это. Ну так вот, хотел бы я? Таким?

От хохота чуть с доски не слетел. Ха! Чтобы я — с такой причёской, таким знойным взглядом...

Бред какой-то. Это не я.

Доска выскочила из под ног, и я не стал удерживаться — просто остановился, подхватил её. Сбоку смотрю в этот киоск, отражаюсь в стекле. Вот этот нос, и рот огромный, как у клоуна. Эти жёлтые волосы. Променял бы я? Попытался так совпасть с журнальной обложкой, чтобы это было как бы моё лицо. Сначала тётка попалась, хорошо ещё, одетая.

Смешно. А потом дядька. Так же смешно. Всё равно одинаково невозможно.

В жизни не отдам свою физиономию Ивана-дурака. Моя.

Надо же, мне впервые в жизни нравится моё лицо. Ну, с кожей есть проблемы, но этого не видно в стекле. Нормальное лицо. Если что — ещё же можно бороду отрастить.

— Молодой человек, вы будете что-то покупать или нет?

Ууу, заметили, что я тут кривляюсь стою. Мотаю головой и вскакиваю на доску.

Как меня занесло; причём тут внешность, не об этом же речь. Но вот таким знаменитым я, наверное, не хочу. Как-то не я это.

На кого, на кого... Что я читал вообще.

А. Понял. Если вот самый-самый. Такой герой, которым хотел бы. Я, кажется, придумал.

Я вылетел к реке. Перешёл на набережную, и пролетел под двумя мостами, не останавливаясь, пробуя на вкус фразу:

«Я бы хотел быть похожим на Дона Румату Эсторского».

Антон, Дон Румата. «Трудно быть богом». Это, наверное, первая книга, такая взрослая.

Первая, которую я закончил и сразу же начал читать второй раз. Папа её подсунул мне.

Именно подсунул, это было шито белыми нитками: он сидел в нашей комнате и читал, и не реагировал на внешние раздражители, то есть на нас с Лёвкой. А потом оставил у меня на столе. «Трудно быть богом». Я сразу понял, что он мне подсунул. Я так не люблю. Поэтому не трогал книгу, пока он не уехал. А потом — два раза подряд.

Дон Румата. Наверне, это самый-самый герой, который... Который.

«У вас будет оружие. Но вы не имеете права его использовать. Ни при каких обстоятельствах». У тебя есть сила. И ты ничего, ничего не можешь сделать, ничего изменить...

Нет. Нет. Я бы не хотел быть Руматой. Как ему было плохо... Я бы. Не то, что я так бы не смог. Если бы вопрос стоял так: какой у тебя любимый литературный герой. Я бы сказал — Румата! Но тут. Быть похожим, похожим... Ни на кого бы я не хотел. Ни на кого.

«Я бы хотел быть похожим на Игната Волкова. Я пока не знаю, кто это. Мне кажется, он, или я, каждую минуту разный. Но я не хотел бы повторять кого-то. Я хотел бы быть отдельным, отдельно стоящим. Я ненавижу, когда меня сравнивают с кем-то. Я не хочу быть лучше или хуже.

Пока я не пойму, что во мне главное. Но хочется, чтобы было такое. Чтобы сразу понятно: я — это я, Игнат Волков. Скажем, я точно знаю, что я быстрый человек. И если я буду медленным, то это не я. Но этого мало, быть быстрым. Надо что-то ещё. Чтобы мне соответствовать самому себе.

Мне кажется, что я вижу какие-то размытые контуры. Как за стеклом в дождь. Иногда мне кажется, что этот человек похож на кого-то знакомого. Но не он. Мне бы хотелось, чтобы этот контур стал более чётким. Хочется навести резкость. И увидеть, что же это такое — я».

Чёрт знает, надо ли сдавать такое сочинение. Мне кажется, я там дальше ещё слишком много про себя написал, личного. Чего-то не по себе такое показывать кому-то. Да ещё оценивали чтобы.

Чёрт знает, надо ли сдавать такое сочинение. Мне кажется, я там дальше ещё слишком много про себя написал, личного. Чего-то не по себе такое показывать кому-то. Да ещё оценивали чтобы.

На всякий случай написал и про Румату тоже.

Перечитал утром. Совсем с ума уже сошёл, с катушек съехал. Конечно, про Румату. А про Игната Волкова — бред, бред, только бы не увидел никто. Хотя совсем выбросить, сжечь — жалко.

* * *

Телефон. Домашний. Я не всегда даже трубку беру; мне обычно на мобильный звонят. А сюда чаще всего — «Добрый день, зубная клиника «Мастодонт». Или «Интервент». Или: «наш опрос займёт не более пятнадцати минут», они думают, человек может так легко выкинуть из жизни такую тучу времени на их вопросы? Так что обычно я игнорирую телефон. Но тут взял. И...

— Да, я вас слушаю, — сказал я.

— Будьте добры Румату, — сказал мне приятный мужской голос.

Пол поехал у меня под ногами.

— К-кого?

— Дона Румату Эсторского будьте добры.

Я положил трубку. Потом испугался, опять взял и стал орать туда:

— Да, подождите! — но там шли короткие гудки.

Что это было, а? Да, шутка. Конечно. Но кто мог знать, что я пишу про Румату? Прямо сейчас? Кто, откуда?!!

Мироздание или кто там со мной разговаривает. Что ты, чёрт возьми, имеешь ввиду?!!

* * *

— А ещё, мам, знаешь. Нам кто-то звонил непонятный.

— Кто? — без особого интереса спросила она, вытирая чашки. Зачем их вытирать? Это же просто вода, она потом сама высохнет.

— Не знаю. Спрашивали Румату, — осторожно говорю я. Не хватало ещё, чтобы она подумала, что я псих.

— А, — улыбается она, — надо же... Кто это был?

— Я не знаю...

— Надо было спросить. Это какой-то наш очень старый знакомый. Может, Серый... Или Каподастр.

— Кто? — они что, все с ума посходили?!

— Это наша походная компания, студенческая. Всех звали прозвищами почему-то... Каподастр — такая штука, на гитару надевается. Тональность менять. В общем, одного гитариста мы звали так, Каподастром. А папу все звали Руматой.

— Ой. Ой. Ого... А почему?

— Потому, — мама улыбнулась. Загадочно так. — Потому что он похож. И потом, работа такая, к разным народам ездить... И не влезать в их жизнь, наблюдать просто. Ты же читал Стругацких, знаешь, про что это?

Надо же. Мой папа — Румата. С ума сойти. Я, получается... Получается, я совсем про него ничего не знаю. В походы ходили... Каподастр какой-то. Ничего не рассказывали никогда, почему?...

Но всё же, всё же. Это совпадение, что именно сегодня позвонили. Когда я пишу и думаю об этом. Как это удивительно.

* * * Борода

Чёрт. Чёрт, чёрт! Четверг же! У мамы спектакль. Значит, я должен был Лёвку забрать!

Аааа!

Мы летим с Костиком. То есть я лечу, а он пыхтит за мной.

— Не жди меня, — наконец, кричит он, — я тебя догоню!

Тыдым, тыдым, самокат скачет по трещинам, по жёлтым плиткам. Главное бордюры, не пропустить, нельзя падать. Я сосредотачиваюсь только на покрытии дороги; поставить ногу на трещину, толкнуться, не упасть, скорее, скорее!

Влетаю в ворота садика.

В группе темно. Что такое, где они?

На всякий случай объезжаю здание, заглядываю на площадку. Пусто, конечно.

Бросаю самокат у входа, влетаю внутрь.

Уборщица меланхолично трёт полы. В наушниках. Трёт не спеша, подтанцовывает.

Молодая совсем, студентка.

— Ты чего здесь? — вдруг увидела меня. — Все ушли.

— Как ушли. Лёвка. Не... Лёвка должен остаться.

— Ну, не зна-аю... Спроси там, — машет рукой неопределённо, — но всех разобрали.

Разобрали. Как сосиски в магазине. Ей и дела до меня нет.

Поднимаюсь на второй этаж через две ступеньки. И сталкиваюсь с воспитательницей.

— Ой, Игнат! Забыли чего?

— Как же... А где Лёва?

— Подожди, ведь Лёву забрали уже... Давно. Ты... У тебя всё в порядке?

— ...кто забрал, — выдыхаю я. Пол теряет горизонтальность; я как-то сам теряюсь в системе координат, мир плющит. Это сон; так не бывает! И Лёвка. Так не бывает.

— Кажется... Игнат, я думала, он с тобой ушёл. Погоди, ты же сам приходил за ним!

Она что, совсем уже? Или это я с катушек слетел?!

Мы спускаемся по лестнице, и я чуть не падаю со ступенек, они подворачиваются под ногами.

Внизу, у дверей, меня ждут самокат и Костя Зайцев. А я и забыл про него.

— Заяц, слушай. Я ведь всё это время с тобой был? Да? Не уходил куда?...

— Ты чего, — не понял Зайцев, — когда? После школы — да...

— Вы что, обкурились, что ли? — спрашивает воспитательница.

— Это вы обкурились, — кричу вдруг я, — я не забирал его! Где Лёвка!... Извините... Чёрт. Как это вообще может быть, как!!

— Может, мама его ваша забрала, — говорит Зайцев.

— Мама в театре. И она бы позвонила, написала!

— Нет, мамы вашей не было, — говорит воспитательница, — я думала, он с тобой!

Я открываю телефон. Пусто. Никаких звонков, только две рекламные смски.

Воспитательница белеет. Прямо я вижу, как белеет — сначала щёки, потом нос.

— С кем он ушёл? Когда? — спрашивает Зайцев.

— Вместе с Кирилловым они уходили... Прямо с площадки, с улицы. Большой толпой за Кирилловым пришли, родственники какие-то. И тут же Лёва уходил. Но я видела, он с тобой!

— А... Вы со мной говорили? — спросил я, уже совсем в порядке бреда.

— Нет, просто Лёва сказал — за мной пришли... Но я видела, как они уходили, правда, с Кирилловыми вместе, но Лёва бы не ушёл один!

— Может, он у Кирилловых этих, — предполагает Зайцев. — Адрес есть у вас? Телефон!

— Да, да, сейчас!

Она, конечно, перепугалась насмерть. Всё роняет из сумочки своей, вылетела косметическая коробочка, разбилась; как разноцветные мелки. Я смотрю и думаю — неужели всеми этими цветами она красит своё лицо?... Индеец она, что ли.

Совсем уже; сейчас нельзя о другом, только о Лёвке! Тогда он найдется. Не может не найтись. Если я буду думать только о нём.

Телефон мамы Кириллова недоступен. Но есть адрес. И я понимаю, что надо лететь туда.

Тут же мир обретает чёткие, понятные контуры: надо бежать!

...Мы с Зайцем на одном самокате. Это медленнее, вдвоём. И неудобнее. Он впереди, я толкаюсь и везу его, как Лёвку. Хорошо, что он лёгкий. Не могу же я бежать без него. Тем более, он сейчас явно лучше меня соображает. И когда дорога под гору, мы летим быстрее от общего веса; и я понимаю, не успею затормозить, если что. Ну и ладно. Только бы не открытый люк или не собака наперерез.

Влетаем во двор. Бросаю самокат в подъезде; бегом на седьмой этаж, не до лифтов.

Звоню. Что я им скажу? Мальчика из садика смешно зовут Кирилл Кириллов, это всё, что я знаю о них. Кирилл в квадрате.

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, — бормочу я. Не могу собрать в голове, что сказать!

— Какие-то наркоманы, — ворчат за дверью. Не открывают.

А я бы сам открыл? Таким вот незнакомым, довольно взрослым уже парням, с таким вот выражением лица, как у меня?

Костя спокойно звонит ещё раз.

— Что надо? — спрашивают за дверью.

— Извините, это брат Лёвы Волкова, из садика, — спокойно и ясно говорит Зайцев. — Мы Лёву потеряли. Вы вместе уходили, не помните ничего?

Дверь открывается. Выглядывает неопределённого возраста тётка.

— Из какого ещё садика?

— Кирилл Кириллов здесь живёт? — спрашиваю я. Неужели это его бабушка, вот ужас!

— А, Кирюша, — расцветает вдруг она, — это соседи наши, вот! — и показывает на дверь напротив. Уф, значит — не его бабушка... Хотя она уже не кажется такой ужасной.

— Извините, мы номер квартиры, значит, перепутали, — вежливо так говорит ей Зайцев и звонит в другую дверь. Я перепутал, не он; я же первый добежал и звонил. Да, 71, а не 73.

В семьдесят третьей квартире нам сразу открывают. Парень чуть старше меня. Светлый, лохматый. Я несколько секунд просто смотрю на него. А, вот оно что! Сразу становится легче, будто я уже нашёл Лёвку. Это был он, лохматый. Издалека воспитательница решила, что это я. Со спины мы, наверное, похожи. Так что хотя бы никто не свихнулся. А Зайцев тем временем выясняет у моего двойника:

— Кто забирал Кирилла из садика, ты?

— Да, мы все вместе... Не помню никакого Лёвы, сейчас спрошу.

Нам помогает уже всё семейство Кирилловых: и мама, и папа, и бабушка, и сам Кирилл Кириллов, и все рассказывают, перебивая друг друга:

— Да, мы вместе уходили, а Лёва мне сломал робота, а у него шапка была с кораблём, и у Артёма такая шапка, но это точно Лёва был... С папой.

С каким ещё папой?

— Папа в отъезде, — объясняю я.

— Ну, такой мужчина, высокий, борода у него... Седая...

— Какая ещё борода?!

Аааа, кто это, кто?! Седая борода. Какой ещё дед мороз увёл моего Лёвку?! Моего, моего, моего Лёвку?!!

— Может, знакомый твоей мамы? Из театра, — предполагает Зайцев.

Мне хочется его треснуть, с его спокойствием, его логикой, его заботой...

— Может, знакомый твоей мамы? Из театра, — предполагает Зайцев.

Мне хочется его треснуть, с его спокойствием, его логикой, его заботой...

— Какой ещё знакомый, мама никогда... Его всегда я забираю! Или мама...

Я понимаю, что виноват только я. Если бы я сразу из школы пошёл за ним. Если бы я сразу;

почему я не пошёл?!!!

— Игнат, ты успокойся, — говорит мама Кириллова (надо же, знает, как меня зовут!), — вы дома были уже?

— Нет, — мотает головой Зайцев.

— Вот; вы сначала сходите домой. Позвони всё же маме, может, знакомый кто-то... Игнат!
Игнат!

Она встряхивает меня за плечи, маленькая мама Кириллова, меньше меня.

— Игнат, самое главное. Твой Лёва очень умный мальчик. Он с кем попало не пойдёт. Всё было нормально, мы выходили вместе, понимаешь? Это не мог быть незнакомый человек.

— У нас нет знакомых с бородой, — говорю я, правда, я не могу сейчас вспомнить ни одного. Но мне становится легче. Совсем чуть-чуть.

— Значит, сейчас вы домой. И оттуда звоните, — твёрдо сказал папа-Кириллов.

— Куда?

— Нам! Вот, запиши телефон. Думаю, всё нормально, и он дома. Но если что... В общем, у меня есть знакомый опер. И вообще... Машина у нас, поможем, если что.

...Мы мчались с Костиком домой. Кончалось дыхание, всё-таки тяжело вдвоём. Но вот это слово «опер». Полиция. Лиза Алерт, перепост, потерялся мальчик. Был одет... Чёрт, во что же он был одет?! Шапка с кораблём... Не хочу, не хочу об этом думать. Я могу только думать одну очень короткую мысль в одно слово. Лёвка, Лёвка, Лёвка! Дыдыщ, дыдыщ, по дурацким жёлтым плиткам... Кррак! Бордю, я совсем забыл. На меня летит Костик, а сверху самокат.

— Как ты, нормально?

— Да, бежим!

Отвалились какая-то гайка от самоката; ладно, потом найду, мы уже в подъезде.

Лифт поднимается бесконечно медленно. Но пешком я уже не могу. И где-то между вторым и третьим этажом Костик говорит:

— У тебя свет горит.

— Где?...

— Дома. Все три окна.

Какой ещё свет?... А. А я не заметил. И где-то к пятому этажу я понимаю. Что-то случилось с мамой. Потому что она всю жизнь ругает меня за оставленный свет. И если все три окна... Что-то случилось. Поэтому и Лёвку кто-то забрал. Ну... Лёвка. Главное — чтобы Лёвка. Я же думал только о нём, не отвлекался! Но и мама...

Лифт едет и едет... Сто лет ещё будет ехать, надо было пешком.

Мы, наконец, выскакиваем из него, и вдруг я впадаю в ступор. Всего-то: нажать кнопку звонка.

И многое станет ясно. А вдруг... Вдруг я не хочу знать этого «ясно»? И не хочу думать, кто главное — Лёвка или мама. Только бы не Лёвка, только бы не мама, крутится в голове по очереди, вернее, одновременно. Не мама, не Лёвка.

— Ну, чего ты, — говорит Костик. И вдруг понимает. И нажимает кнопку сам. Я чуть не схватил его за руку; но не успел. Надо же, какими слабыми бывают мои руки и ноги.

Щёлкает замок. Открывается дверь.

На пороге в прямоугольнике света стоит человек. У него борода.

Что это?! Кто!!!

...Этот бородатый человек захватил моего Лёвку и нашу квартиру, и жжёт в ней свет, во всех комнатах. Мама! Где мама?!!

— Игнат, ты что? Не узнал, что ли?

Я узнал. Только сейчас. Не глаза и нос, а голос. И свалился на этого человека, упал. Прямо в него.

Вообще-то мне хотелось и убить его тоже, прямо сейчас.

— Я думал... Лёвка. Лёвка дома?

— Дома! — кричит он своим птичьим голосом из кухни, — а я тебя в садике ждал, ждал! А п'ишёл — он!

— ...Зачем ты отрастил эту бороду идиотскую, — бормочу я. У него чужое лицо с бородой, не хочется смотреть. Вдруг вспоминаю про Костика, оборачиваюсь и объясняю ему:

— Это мой папа. Папа приехал!

И вдруг я вижу, что Костик сидит на полу. И плачет. По-настоящему, слезами, размазывает кулаком. Вот этот Заяц, который был такой логичный, умный такой, непробиваемый.

— Костик! Зайцев, ты что?!

— Я думал, — он отворачивается, чтобы я не видел, — я думал, он совсем пропал, Лёва твой. Что из-за меня! Я же тебя просил остаться, из-за меня, я думал, понимаешь? Что совсем!!

— Это твой друг? — спрашивает папа.

— Да, это мой друг, — говорю я, — Костя Зайцев.

* * *

Мы пьём чай и рассказываем, как всё было. То есть я рассказываю, а Костик молчит, будто он вовсе ни при чём. А потом вдруг он говорит:

— Надо позвонить.

— Кому?...

— Да Кирилловым этим. И воспитательнице тоже, она же там на ушах стоит.

Точно. Надо позвонить, а я и забыл. Как только этот Костик всё помнит?

Я весь вечер не могу оторваться от Лёвки, какой он классный. С вот этим носом, ртом и ушами, со всеми его дурацкими песнями. А папу я отправил бриться. Не мог с ним разговаривать, у меня в животе всё сворачивалось трубочкой, как на бороду это посмотрю.

И ещё весь вечер в голове всплывал Заяц. Вот, я сказал, что он мой друг. И ведь правда: мне никогда в жизни никто не помогал вот так. Ну, давали там ответ подсмотреть или бутерброд откусить. Но мне, в общем, и помощь особо не была нужна. И я с самого начала пытался свалить, погнал на самокате, не оглядываясь. А он, значит, тащился за мной.

Зачем?...

* * * Маша

Я не люблю это место в парке, тут плитка кособоко уложена. Дын-дын, самокат грохочет по ней. Даже не столько неудобство противно, сколько грохот. Ненавижу создавать грохот. Поскорей бы уже продынькать, и на нормальный тротуар.

Вдруг наперерез мне идёт Маша. Я как-то её уже видел, она шла с другими девчонками, и они кричали ей — Маша, подожди! А она неслась вперёд, как сумасшедшая. Как... Ну. Да, понятно, как кто.

Думаю, она в десятом или в одиннадцатом. Сильно старше. Пальто и большой шарф, и кеды. Вообще смешно, кеды и пальто. Но ей идёт. Нет, не то, что я её как-то запомнил особенно; просто всплыло вдруг в голове, что Маша.

Потому что сейчас она шла и редела. Всхлипывала. Я бы не увидел; но она вылетела мне наперерез, вообще ничего не соображает, самокат же грохочет, за километр слышно!

Я притормозил, а она откинула волосы, посмотрела на меня — под чьи колёса чуть не попала. И я увидел, какие зарёванные глаза.

Она побежала дальше. А я толкнулся и тоже поехал дальше, по инерции. А потом оглянулся всё же: чего вот она там?

Сидит на скамейке, отвернулась. Это она зачем бежала, торопилась скамейку, что ли, занять? Рядом ещё пустая стоит. Холодно сидеть.

Человеку плохо. Это так странно; вокруг такая осень! И мне страшно хорошо (ну, до этого момента было хорошо), такая придурочная радость ниоткуда, просто от скорости и неба. А тут человеку плохо, плохо как!

А я проехал мимо, и гоню дальше. Что я могу сделать? Откуда я знаю, что у неё там. Несчастливая любовь? С родителями поссорилась? Может, она из-за двойки ревет, кто знает этих девчонок, режут из-за любой ерунды. Даже из-за четвёрки могут.

Не, не похоже, чтобы двойка. Жаль, что мне нужно бежать.

А то бы я... Что вот бы я? Незнакомая девчонка. Я для неё — мелочь, семиклассник.

Никто. Что вот я?

Проехал мимо. Человеку плохо, а я...

Кофейная машина. Я здесь долго рассказываю; на самом же деле все эти мысли промелькнули в голове как-то сразу; и уже в конце дорожки я увидел машину эту. Кофе на колёсах. Машина, задняя дверь открыта, и там — кофейный автомат. Продавец в вязанной шапочке стоит, сучает. Никогда не покупал в такой; наверное, подешевле должно быть, чем в кафе?

— Вам что, молодой человек?

— Капучино, — говорю я. Сначала говорю, потом уже думаю и смотрю на ценник. Ух.

Мама всегда берёт капучино, наверное, все девчонки любят так.

Прощай, пицца в художке. Художка... Если один человек туда опоздает на пятнадцать минут... Пусть он опоздает, у него важное дело.

Неудобно тащить этот кофе, когда самокат по плиткам прыгает. И я иду рядом с дорожкой, прямо по листьям. Не очень удобно, зато тихо.

Бросаю самокат возле скамейки, прямо на землю, просто отпускаю его и всё.

Ну и что теперь? Сидит, плачет. И я, как дурак, со стаканом... Чего мне в голову взбрело, зачем?!

Выпить самому и забыть.

Вдруг она откидывает волосы. (А круто у неё это выходит, как в кино!). И смотрит на меня.

— Ты Маша? — спрашиваю я, как дурак. Она молчит. А вдруг она никакая не Маша, и я всё напутал?

И вдруг я становлюсь как будто не я. Со мной раньше такого не было. Откуда это нахальство, смелость эта — никогда бы не подошёл раньше!

— Маша, всё будет хорошо, — говорю я.

Она качает головой.

— Не будет... Чего тебе надо вообще. Чего привязался? Вали отсюда, понял?!

От этого моя смелость увеличивается. Всё, меня послали, больше я ничего не теряю. И чёрт с ним, с рисованием этим.

— Я тебе кофе принёс, — говорю я.

— Чего? Ты кто вообще?

— Волшебник. Дубровский, слышала про такого?

И я свищу песенку, которую так любит папа:

«Не плачь, Маша, я здесь...»

Без слов, просто свищу. Она наверняка не знает такой. Про Дубровского.

Без слов, просто свищу. Она наверняка не знает такой. Про Дубровского.

Она улыбается. Вдруг. Хорошо так улыбается. И я вижу, наконец, не только пальто и волосы, но и лицо. А что, и довольно симпатичная, несмотря на распухший нос и глаза.

— Откуда ты взялся, — спрашивает она и берёт у меня кофе. Не пьёт, просто греет руки.

— Так, пролетал мимо, — говорю я.

Вдруг меня охватывает космическая робость. Вот так, на ровном месте; будто это не я сейчас тут свистел и был Дубровским. Прямо руки-ноги перестаю чувствовать.

Вдруг Маша поднимает голову:

— Б.Г. знаешь, откуда? Никто не знает...

— Папа любит «Аквариум», — объясняю я зачем-то... Вот причём тут папа-то, а?

Молчу. И Маша молчит. Слышно только, как голуби топают по жухлым листьям, надо же, какой грохот: топ, топ! Как слоны.

— Ладно, я погнал. Мне пора, я космически опаздываю.

Я прыгаю на самокат и лечу — трынь-трынь! — по этим дурацким плиткам. И зачем-то ещё ору во всё горло:

— Не плачь, Маша, я здесь,
Не плачь, солнце взойдёт-от!

... Дальше там «не прячь от Бога глаза, а то как он найдёт нас». Но это, про Бога, я уже не стал орать. Это уже слишком.

Влетел в метро.

Откуда я знаю, что она там смотрела на меня и смеялась! Я прямо видел, как смеялась! Спиной, что ли?...

... А Рома в художке на меня налетел страшно. Что у них там очередь стоит желающих учиться, а мы занимаем бюджетные места и ещё опаздываем! Позволяем себе! Что он не будет мне отдельно ничего объяснять!

Рома вообще хороший, просто он самый молодой из учителей. Компьютерную графику преподаёт. И ему иногда кажется, что он нас слишком распускает. Тогда он пытается быть строгим... Это смешно даже.

Но мне было не до смеха. Какой-то запал смелости кончился, я просто кивал и даже не оправдывался, как обычно.

Рома сел рядом, спросил вдруг:

— У тебя нормально всё?

— Да, Роман Игоревич, извините...

И он быстро и чётко объяснил мне, как с этой программой что делать. И я вдруг всё догнал. Полгода не доходило, а тут дошло!

По крайней мере в этот раз мой колченогий жираф не улетел непонятно куда, а сохранился. Да, уродец. Но живой!

Потом, на перемене, Малашевич опять заливал что-то, как он ездил в испанский лагерь и что у него там с кем было. Мы раньше ржали над ним, но тут вдруг я понял, что он врёт от беспомощности. Хочется, чтобы его, мелкого, косоглазого, тоже считали крутым. А мне...

Мне вдруг перестало хотеться. Чтобы меня крутым считали. Я... Я и так знаю. Девушке было плохо, и я её утешил. Что там Малашевич против меня!

Ну, и я стал ему поддакивать. Делать большие глаза: «ну, а она что? А ты? Ну, ты даёшь!»

Малашевич как-то расцвел, и даже угостил меня своей пиццей наполоам. И так вышло, что я поел нормально, хоть и без денег. И чай с лимоном, лимон у нас бесплатно, и сахар, а пакетик чайный я у Малашевича взял.

Как-то жалко его. Выдумывает, выдумывает...

Они бы в обморок упали, если бы увидели, какую Машу я кофе угощал. Но я никогда в жизни им не расскажу. Лучше наврать чего-нибудь. А это... Не поймут.

А в конце урока Рома вдруг моего жирафа вывесил на большой экран. Я думал, сейчас все будут хихикать, а Рома разбирать, где я и как облажался. А он говорит:

— Вот, обращаю ваше внимание. По этой работе какие будут мысли?

Все начали говорить, конечно, какой он кривоногий и как у него что не так гнётся, мне аж жалко стало Жирафика моего. А Рома потом и говорит:

— Все ваши замечания имеют смысл. Но перекрываются одним-единственным аргументом. Жираф у Волкова (это ведь жираф, да?) вышел живой. Конкретный персонаж с характером и жизненным опытом. И всё остальное перестаёт иметь решающее значение. Наконец-то в вашей группе кто-то сделал что-то живое. Вот что бывает, Игнат, когда работаешь головой, а не руками!

...Надо же, абсолютно мимо он попал. Я сегодня вообще не думал, что делаю.

Просто совершенно случайно вышел такой жираф, захотел и вышел. И даже сохранился, и Рома его себе на флешку записал.

Я смотрел на жирафа, а он вдруг подмигнул мне, таким глазом... Как у молодого Б.Г., Бориса Гребенщикова, у папы такая фотография есть.

* * *

Я поехал к Дине. Один. С Зайцем, конечно, хорошо. Но тогда я хотел ему просто показать, какая она. А так — люблю один.

Показал ей своё сочинение. Зачем-то. Не про Румату, а другое.

— Хорошо, Игнат. Спасибо. И хорошо, что не сдал. Не хотела бы я такое оценивать.

Да, я понимаю. Мне теперь не нужна никакая оценка. Динино спасибо дорогого стоит. Какая она стала маленькая, я каждый раз привыкаю заново.

— Вообще ты молодец, Игнат. Не киснешь.

— А чего мне киснуть?

— Возраст такой. Непростой. Всем непросто даётся, кто... головой пользуется. Тонька вон моя совсем сжухла.

— Да ничего, вроде, не так уж она и...

— Она, конечно, виду не подаёт ... Знаешь, она очень на меня похожа, я сама такая была — не подходи, убьёт! Между прочим, она мне сказала, что это ты ребят организовал ходить ко мне. Да?

— Да нет, Дина Моисеевна, вы что! Я просто спросил, кто хочет... Они все сами...

— Сами, да... Знаешь. Присмотри всё же за Тоней. Страшно мне за неё. Ладно, Игнат?

Я обещал, конечно. Хотя мне кажется, Тонька сама за кем хочешь присмотрит.

* * * Братя Левины

Последний урок — история. Последние минуты. Я уже одной ногой на улице, то есть обеими ногами, прямо чувствую, как меня там самокат ждёт, бьёт копытом. Абрамов сегодня никого не спрашивал, никому не выносил мозг, просто рассказывал. И я с удивлением заметил: слушать его мне интересно. Не хочется даже голову чем-то ещё занимать, как обычно. Просто слушаю, и всё.

А после звонка он вдруг и говорит:

— Ребята, если кто-то не очень торопится... Есть среди вас такие?

Нашёл дураков. Хотя я как раз не очень тороплюсь, но что ему нужно?

— А какое у вас к нам дело? — спросил Яша Левин, из близнецов. Вот так взял и спросил, в лоб.

— Да, собственно... — Абрамов вдруг смутился, — никакого... У меня, братцы, день рожденья. Оставьте кто хочет, чаю попьём. С пирогом.

У меня даже ручка из рук выпала. Тынь-тынь-тынь по парте, и на пол. В тишине. Абрамов?

Угощает? Нас?!

— Ого, — сказал Миша, второй близнец.

В общем, мы остались. Близнецы, мы с Костиком, Тонька и еще две девчонки. А Абрамов такой — тадам! — из-под стола достал пакет. Развернул его, зашуршал фольгой.

— Это что? — спросила Тонька.

— Шарлотка.

— Ух ты, корицей пахнет... Кто это вам пёк?

— Никто. Сам, — засмеялся Абрамов. — Не бойтесь, не отравлю. Вы же у меня любимый класс. Соображаете чуть-чуть.

Шарлотка и Абрамов. Чего только не бывает в жизни.

И очень вкусно, я три куса слопал, не удержался. И ещё оказалось, что Абрамов умеет улыбаться. И вообще он вполне нормальный человек.

Он мне шарлотку отрезал и положил на тарелку бумажную. И говорит:

— Ты, Игнат, не обижен ещё на меня? Это глупость была с моей стороны, извини.

Это за то, что он меня запер тогда в классе! Я уж и забыл. Как-то мы с ним сделали вид, что ничего не было. Что это нормально, вот он тогда вернулся, а меня нет, только окно открыто.

Извинился. Да ещё при всех.

Похоже, я ничего не понимаю в людях. Почему я его считал таким ужасным?...

— Это вы извините. Я просто не могу в замкнутом пространстве, у меня вроде клаустрофобии, понимаете?

— Я же не знал, — сказал он. — Ты хоть помнишь, за что я тебя запер?

— Нет, — растерялся я. Правда же, не помню. Что я мог такого?...

— Полный провал педагогического приёма... Антипедагогического даже, я бы сказал. Учту на будущее. Ну что, мир?

И он протянул руку. И я её пожал.

* * *

Мы так хорошо сидели, смеялись, не помню над чем, помню только — живот даже болел.

А потом Костик вдруг как вскочит, как заорёт:

— Аaaa! Робототехника!

У него, оказывается, по вторникам робототехника эта, а он забыл.

— Через пятнадцать минут, — сказал он совершенно убитым голосом. А пилить далеко ему, я помню, полчаса, не меньше; и транспорт туда никакой не ходит...

— Бери мой самокат, — сказал я.

— Самокат?... А как же ты?!

— Завтра принеси только. Беги! Там под гору в основном. Успеешь!

И он умчался, даже спасибо не сказал, некогда.

...Мы вышли из школы с Мишей и Яшей Левиными. Яша, кстати, выкинул такую штуку — побрился наголо. И тут я, наконец, запомнил, что он Яша. А Миша как раз самый лохматый в классе остался.

— Ты, значит, безлошадный сегодня? — спросил Яша.

Я кивнул. Конечно, мне приятно, что я, наконец, Зайца чем-то выручил. Но ногам скучно как-то.

— А хочешь, пойдём в нами? — спросил Яша.

— Куда?

— В одно секретное место.

Мы купили на улице по хотдогу, потому что шарлотка шарлоткой, а есть хочется. И пошли.

* * *

Левины эти классные вообще. Но они такая закрытая система, им будто никто не нужен со стороны. Хорошо, что они меня позвали.

Левины эти классные вообще. Но они такая закрытая система, им будто никто не нужен со стороны. Хорошо, что они меня позвали.

Они шли, жевали хотдоги эти и всё время друг друга подкалывали.

— Ну чего, мозг не мёрзнет? — спрашивал лохматый Миша бритого Яшу.

— Нет. Голове полезен холод вообще.

— А. Может, мёрзнуть нечему?

— А ты не завидуй. Подставил тебя, да? Теперь видно, каким бы ты был без волос! И вся твоя красота, Миха, оказывается, фейк.

В таком духе. Мне ужасно хотелось Яшу спросить, чего он так, радикально, наголо. И как родители к этому отнеслись? Но как-то неловко. Мало ли что.

— Сюда, — сказал Миша, и полез под ленточку. Красно-белую такую ленточку, которой стройплощадки огораживают и прочие опасные места.

Дом под снос. Я, конечно, видел его, но не приходило в голову залезть. Обычная пятиэтажка. Без окон, даже без рам в некоторых местах. Жутковатое зрелище, мёртвый дом. Кучи мусора вокруг.

Мне казалось, нас кто-то обязательно остановит. Ну как, туда же нельзя! Но оказалось, никому и дела нет.

Близнецы включили фонарики в телефонах, и я тоже. Горелым чем-то пахнет тут, и вообще... Мне вдруг стало сильно не по себе. Я понял, что близнецы ищут тут что-то, какие-то вещи.

Охота такая у них. А мне кажется, это мародёрство какое-то.

Дверей в квартиры или совсем нет, или открыты, и из них вата торчит.

— Сюда? — спросил Миша. Яша кивнул.

Чужая квартира. Брошенное, жалкое всё. Диван с вылезшими пружинами. Какие-то доски. И пианино. Яша подошёл, пробежал пальцами по клавишам. Умеет, смотри-ка. Точно, они же в музыкалку ходят оба.

Яшка сфотографировал на телефон пианино, с разных ракурсов.

А Миша писал что-то в блокнот, карандашом. И потом тоже фотографировал.

Потом мы пошли в следующую квартиру. Там вообще ничего не было, и жуткий сквозняк, пустые проломы без рам. На полу — след от костра.

— А что, костёр, может?

— Вы чего... Прямо в доме?

— Да мы жгли уже, нормально... И потом, тут же люди живут.

— Где — здесь?!

— Ну, не в этой квартире, а вообще. Бездомные. Конечно, живут. Спят тут. Готовят на костре, кипятят воду. Никогда не видел в окнах свет?

— Я... Нет, я тут не катаюсь, — и правда, тут асфальт плохой, мимо этого дома я почти никогда не езжу.

— А, ты же не ходишь пешком, — добродушно поддел меня Миша.

— Я думал, вы тут ищете что. Ну, собираете.

— Нет, — объяснил Яша, — ну, как, собираем, конечно. Но не вещи. Память. Понимаешь, жутко как. Люди здесь жили всю жизнь. И ничего, ничего от этой жизни не осталось...

Миша потянул отошедший кусок обоев. Газета с другой стороны, обои поклеены на газету.

«Теперь в этих типографиях трудоемкость работ снизилась вдвое, значительно уменьшился брак, вызываемый, в частности, ручной перевозкой книг по цехам. Советский читатель получает больше книг, лучше, добротнее оформленных. Конструкторская мысль работает над дальнейшей механизацией полиграфических процессов».

— Давай всё же костёр, повеселее будет, — сказал Яша.

Мы собрали какие-то щепки, бумажки и запалили маленький огонёк. Откуда у них зажигалка, неужели курят? Никогда бы не подумал.

Постоянно подкладывали какие-то бумаги, кусок обоев, потом деревяшка небольшая занялась, и мы просто сидели и смотрели, как она горит.

— А чего ты так, налысо? — спросил я, наконец.

— Захотелось, — ответил Яша. Спокойно так. А потом добавил: — Захотелось изменить жизнь. Многое. Против течения поплыть. А то течение, знаешь... Мало ли куда унесёт. Хочу сам.

— Ого.

— Он музыкалку бросил, — сказал Миша.

— Правда что ли?!

— Ну да. Хватит музыки, — сказал Яша.

— Полгода осталось до диплома, — тихо сказал Миша. Яша дёрнулся. Я понял, что они обсуждали это миллион раз, и он больше не хочет.

— А родители что?

— Мама? Нормально, — пожал плечами Яша. Про папу я не решился спрашивать. И вообще засомневался, есть ли он?

— Ничего не нормально, — ещё тише сказал Миша.

— Но это моя жизнь. Ты-то понимаешь?!

— Да, — кивнул Миша. — Я, конечно, понимаю.

Я вдруг увидел, какие они разные. Дело даже не в волосах. И не в родинках, у Яши они. Как у актёра Де Ниро. А у Миши нет. Но у Миши лицо мягче, а у Яшки злее, острее. Совсем разные.

— Понимаешь, Игнат. Музыкантом я не буду. А играть уже умею, мне хватит. Зачем диплом? Музыкой пусть те занимаются, кому без неё не жить. У кого талант. Этот вон пусть играет, — он кивнул на Мишу.

— Какой там талант, — пожал плечами Миша.

— Сам знаешь, нечего кокетничать. А я...

Он молчал, полено почти догорело, и он принёс какую-то рамку из другой комнаты. Щелкнул на телефон и сунул в огонь. Сначала она не хотела гореть, дым какой-то вонючий шёл, а потом пошло.

— Понимаешь, Игнат. Не все живут так. Так легко и весело, как мы.

— Как мы?

Ну да. Я и сам знаю, чего он. Псих какой-то. Я знаю, что мы живём очень даже, на роликах катаемся, а есть люди, у которых еды нет. Или даже воды.

— В этой стране, — сказал Яша, — можно быть только юристом.

Вот тебе раз.

— Почему это?

— Я решил. Поэтому музыку бросил, некогда. Надо готовится на юрфак. Я хочу быть

адвокатом.

— Думаешь, заработаешь этим? — ну, правда. Какой в этом ещё может быть интерес?!

— Да. Я буду крутым адвокатом. Дорогим. Заработаю много.

Вот бы не подумал, что Яшка такой меркантильный.

— Чтобы была возможность... Заниматься делами тех, кому нечем платить. Кто не виноват. Понимаешь?

Я пока не очень понял.

Яшка вскочил на ноги, зашагал вокруг нас.

— Постоянно! Постоянно людям нужен адвокат! Без конца, только и слышишь... Адвокат, адвокат! Нужен юрист, спасите!

Где вот он это слышит, телевизора, что ли, посмотрелся?...

— Мама у нас журналист, — объяснил Миша. — Много чего... Прямо жуткого происходит. Понимаешь? И она приходит домой, и плачет, плачет. Что сделать ничего нельзя. И адвоката никогда нет. Но это... С системой очень трудно бороться. Практически невозможно.

— Возможно, — резко сказал Яша.

Я будто попал в фантастический фильм. Матрица. Какая ещё система?... Но не спросишь же, они думают, я понимаю... Мама тоже так говорит: в этой стране.

— Понимаешь, Игнат. Часто осуждают людей, которые не виноваты. Просто так удобнее, нашли дурака и навешали на него всё. Или кто кому мешает. Подставить любого можно. Ещё, знаешь, кардинал Ришелье говорил: пусть самый честный человек напишет шесть строчек. И я в этих строках найду то, за что его можно повесить.

— Какой-то ужас. Но Ришелье... Это же не наша страна?

— Да. Весь мир немного двигается с тех пор. И мы... И мы тоже, но нам надо догонять.

Мишка добавил:

— И, конечно, двигать мир будешь ты, да?

— Ну а кто, — сказал Яшка.

Я себя чувствовал младенцем рядом с ними. Будто бегаешь, бегаешь себе по дорогам. А потом видишь открытый люк. И понимаешь, что там, под землей, под дорогами этими... Такой скрытый мир. Тёмный.

— Значит, ты будешь такой Робин Гуд? — спросил я. — Зарабатывать на богатых и защищать бедных?

— Ну да. Ну и Робин Гуд. Адвокат — это защитник, понимаешь?... Кто ещё...

— Яшка идеалист, — плюнул Миша, — против лома, думает, есть приём... Тебя убьют, — вдруг

сказал он.

— И ты сыграешь на моих похоронах.

— Чего тебе, Шопена? Или повеселее хочешь?

... Вот дураки. Чем шутят.

* * *

Совсем стемнело, и мы пошли домой. Свети-не свети фонариком, а всё же я чуть не полетел на лестнице, запнулся о какой-то хлам.

А Мишка вдруг зашёл в ту квартиру, где пианино. И заиграл. И я понял, о чём Яшка говорил. Да, этот Миша настоящий музыкант, не игрушки.

У меня в голове всё ещё звучала эта музыка, печальная, но не безнадёжная.

И Миша сказал:

— Весь этот мир без музыки превратится в «Кин-дза-дза». Смотрел?

Я кивнул, конечно, смотрел.

— Без музыки и без искусства вообще. Человек не может. Это единственное, что удерживает его. На самом краю.

Яша и Миша Левины, спасатели этого мира. А я. Кто я? Просто катаюсь.

Мне ужасно не хотелось от них уходить, казалось, такого разговора больше не будет. Они будто великаны рядом со мной. Хотелось бы... Ну, не дружить, конечно. Они только вдвоём, им никто не нужен. Но хотя бы говорить иногда. Разве я могу быть интересен таким. Зачем они меня с собой позвали?...

Какие они разные. Надо же, мне всегда казалось, что я не тормоз, что я всегда впереди всех, а все остальные не догоняют меня. А вот, братья Левины. Сильно впереди, не догонишь.

* * *

Я иду и смотрю на листья. На земле; деревья уже совсем голые. Ноябрь. Как же их много, листьев. Как мыслей у меня в голове. И все такие разные, а так, снаружи, наверное, одинаковые... И люди так. А может, и нет. Всегда легко сравнивать людей с чем-то, чего много. С песком. Со звёздами. Или с микробами. Зависит от пафосности настроения. Скоро зима.

Ещё, главное, она мне сказала: осторожно. Скользко, смотри под ноги! И ещё сказала: никаких самокатов, всё, зима. Суши свои колёса.

Да, и правда зима. Я уже понял. Такая зима, что ой-ой-ой. У меня такой ещё не было.

Потому что я совершенно честно пошёл пешком. Медленно выходит, ужас как. Идешь, идёшь, всё на том же месте! И перед лестницей в переходе я подумал: надо осторожнее.

Скользко. Это я впервые в жизни, кажется, подумал: «осторожнее». Не надо было думать.

Надо было лететь, как всегда.

Вот она, моя осторожность.

Сижу на последней ступеньке. Кажется, я даже потерял сознание на несколько секунд. Но сейчас нормально сижу, даже почти не больно. Может, обошлось? Ставлю ногу, пытаюсь чуть наступить...

А! Будто гвоздём, насквозь, прямо до спинного мозга...

— Мальчик, у тебя всё в порядке? — спрашивает тётка с малышом в коляске. Чем вот она поможет.

— Спасибо, всё нормально. Сейчас... Сейчас встану.

Жду, пока она уйдет.

О-о-о. Нет, не встану. Что же это?!

Прошибает ужас, прямо накрывает. Даже не больно, а страшно. Как я маме скажу?! Как скажу, что сломал ногу?...

«Я сломал ногу», — шёпотом говорю я. Сам себе. Леденеет внутри. Не может быть, как плохой сон.

Надо что-то делать. Звонить. Кому? Скорая? Не умираю же я. Или если в «скорую» звонить — обязательно умирать?

Мама. Нет.

И тут я понимаю, кому надо звонить. Дорого, конечно, но он всё равно не ответит, он всегда занят. Но я звоню.

Странные какие-то звонки, другие. Никогда ещё не звонил в другую страну.

— Игнат? — кричит он испуганно, — что случилось?!

— Па, всё нормально. Не переживай. Мама и Лёвка — нормально, в порядке.

— Ты не в порядке, — говорит он. Не спрашивает, а утверждает.

— Да. То есть... То есть я тоже в порядке. Почти... Пап. Я, кажется, ногу сломал.

Слышу, как он выдыхает в трубку.

— Доездили.

— Не, я просто шёл, понимаешь?

— Я сейчас приеду, — говорит он.

— Чего?

— А, ну да... Забыл. Ты сам где сейчас?

— На улице Бродского. Тут переход где...

— Ясно. На улице. Больно очень?

— Да, — говорю я.

— Молодец, — говорит он, а я одновременно поправляюсь:

— Ну, так. Терпимо... Ну чего молодец-то, пап, я же не специально! Я пешком шёл!

— Балбес, я же не ругаю тебя. Молодец, что терпишь. Тааак... Деньги есть на такси?

— Рублей сто есть...

— Нет... А, вот. Я тебе пришлю телефон врача-травматолога. Хорошего. Звони ей и сделай, как она скажет. Может, и не перелом ещё. Мама знает?

— Нет, конечно! Я сразу тебя позвонил.

— Правильно. Ладно, звони врачу. А потом мне. Давай, Игнат. Всё нормально будет. Это проблема, да. Но из разряда решаемых.

...Сразу стало легче. Я почему-то думал, что он ругать меня будет. Так, теперь маме нужно. И потом врачу этому.

Но сначала маме.

«Недостаточно средств»...

А!!! Это я всё на Париж папин потратил!!! У него конференция там, в Париже этом. Хорошо не в Новой Зеландии.

У-у-у, что же делать?!

...И тут случилось чудо.

Мне позвонил Костя Зайцев. Сам. Первый раз.

— Заяц, — заорал я в трубку, — я ногу сломал!!!

...Он приехал через пять минут. Прилетел. А у меня телефон сел. Я даже не успел прочесть номер врача.

— Ты чего? — удивился Заяц. — Я думал, ты на роликах загремел! Нельзя тебе пешком ходить, не умеешь!

И сразу всё стало не так уж плохо. Ну, лучше.

Оказалось, у него есть волшебная бабушка. Которая сама позвонила врачу, какой-то Ираиде Степановне. Я испугался сразу, что Ираида. И потом, папа же мне другой телефон обещал! Глупо вышло. Но, вроде бы, вариантов нет. Надо ехать к ней в травмпункт. К Ираиде этой. Не далеко это. На самокате тут — минут двадцать.

Ой. На самокате... Ыыыы! Как же я ходить теперь буду, успевать везде, а?!

— Давай, вставай! — сказал Заяц.

Я вспомнил, как неделю назад сам поднимал этого, жука. На набережной. Как было тяжело. Может, я полегче всё же? Неловко наваливаться на мелкого Зайца.

— Да ты чего скачешь, опирайся, не бойся!

Он затащил меня вверх по лестнице, а дальше уже легко пошло. Надо допрыгать до маршрутки, а там посмотрим.

— Ну ты, Заяц, вообще. Мог бы вынести с поля боя, да? Прямо герой.

— Да ну, — говорит он, — ты по-дурачки как-то упал. Всего лишь нога. Если бы две! Во, я бы тебя тащил тогда! На спине. Или на плечах, меня так папа носил, знаешь?

Конечно, знаю. Меня тоже носил так.

— А так — что! Сам идёшь, считай. Никак не даёшь мне проявить это, героизм. Никаких шансов. Хоть бы сотрясение какое, потеря памяти там...

Мне так смешно с ним. Почему-то очень смешным оказалось всё, что я вот так ногу сломал.

То есть внутри страшно. Не больно даже, а страшно — как теперь?... А сверху завернуто в смешное. Пирожок такой. Вообще хорошо, что он пришёл.

Заяц запихнул меня в маршрутку. Нам попался водитель жутковатый какой-то, с чёрной бородой. Но Зайцев всё равно о чём-то договорился с ним, я сначала не понял, о чём.

И потом этот «страшный» высадил всех у метро, там конечная, а нас отвёз в травмпункт. Бесплатно. Заяц ему объяснил ситуацию. И он вот, помог.

— Ну ты даёшь, — сказал я Зайцу, — никогда не думал, что ты так можешь, договориться с чужим человеком!

— Я и сам не думал...

Потом мы сидели в очереди в травмпункте.

— Представь, тебе ногу загипсуют. А я её разрисую тогда. На гипсе знаешь, как круто рисовать!

— Ты пробовал, что ли?

— Ну да, я во втором классе руку ломал. Нормально, видишь, всё срослось!

И он прицелился мне в глаз.

Мы хохотали, как психи в очереди этой. Даже народ вокруг унылый повеселел.

А потом вышла молоденькая симпатичная девушка в белом халате. В модных очках, со стрижкой. И говорит:

— Ты Игнат? Чего же ты здесь сидишь, я тебя давно жду!

Это она Ираида оказалась. Никогда бы не подумал! Тоже родители постарались, конечно, с именем.

Дальше всё пошло быстро. Снимок. Да, перелом. Хороший перелом, говорит. Ха. Оказывается, бывают плохие. А у меня самый простой. Да, гипс. Никогда не ходил в гипсе? О, это захватывающе!

Потом мы вышли в коридор. А там вдруг она. Шолпан.

— Ой, — сказал я.

А она протянула мне зарядник для телефона.

— Вот. Подойдёт ведь?

Какое-то волшебство.

Воткнул в розетку, включил телефон. И увидел смс от папы. С телефоном врача. «Ираида Степановна».

Аут.

У них с зайцевской бабушкой общий знакомый травматолог?!

А вот она подошла как раз, Ираида.

— Как дела, покажи? О, отличный гипс! Поздравляю!

— Ираида Степановна, — смущаясь, добавляю я, — а вы ведь папу моего знаете. Фёдора Волкова.

— Ну конечно, Игнат. Он же мне позвонил сразу.

Так я и не понял, это из-за зайцевской бабушки или из-за отца мне так всё быстро и ловко сделали. Или просто здесь так принято со всеми.

...Надо звонить маме. Вот теперь уже некуда деваться, надо. Что я ей скажу? Привет, ма, я в гипсе?!...

Но оказалось, что Зайцев ей уже позвонил. Что она уже едет. А Лёвку из сада его бабушка уже забрала, он у них дома сидит. И Шолпан с зарядником тоже он вызвал, Костик.

— Ну, Заяц, ты вообще... Какой-то суперспасатель. Человек-паук. Как ты всё это?... Я, знаешь... Я и не знал, что ты столько можешь.

— Я тоже не знал, — пожал плечами Заяц. — Я же, знаешь... Я же вообще трус и какая-то растяпа. А с тобой нет.

— Ты самый крутой, Зайцев. Круче всех. Правда.

Он аж покраснел.

— Слушай. А как так ты мне позвонил. Так вовремя! Чего хотел?

— Да у меня новость, — заулыбался Костик. — У меня, представь... Брат будет, короче. Представляешь? Брат, как у тебя!

— Ничего себе! Вот это... Ну, твои родители дают. Круто. А почему думаешь, что брат? Уже известно?

Он даже вскочил.

— Нет, ну как! Ну не сестра же!...

* * *

Я лежал и смотрел в окно. Не хотелось ничего. Никаких планшетов, никаких книжек.

Сначала я всё бегал в планшете, мне нравилось — игрушки всякие на скорость. А потом стух. Навалилось.

Один дома, один дома. Вот такая будет теперь моя зима. Лежи, добегался.

В дверь позвонили. Я решил не открывать — рекламщики какие-то, кто ещё ходит по утрам. А потом позвонили ещё, и ещё.

Я попрыгал открывать.

А там Шолпан.

Вместо школы пришла. Прогуляла. Вдруг. Ой.

Я и обрадовался, что она пришла. И расстроился. Как-то нацелился уже один пострадать, а тут... И лень было изображать радушного хозяина.

Но и не пришлось.

— Лежи, ничего не надо, чего ты!

И я свалился обратно на свой диван. Она рядом села. И смотрит в окно, не на меня.

— Чего там у вас? — спрашиваю. Надо же как-то разговор завязать. Чего она молчит?

Но она не ответила. А потом сказала вот что:

— Это же не просто так, — сказала она. — Ты слишком быстро бежишь. Для чего-то тебе нужна эта остановка. Это не наказание, понимаешь? Остановка. Я, знаешь... Люблю в окно смотреть. Умею. Не все умеют. Тебе тоже хорошо бы научиться.

Один дома, один дома. Вот такая будет теперь моя зима. Лежи, добегался.

В дверь позвонили. Я решил не открывать — рекламщики какие-то, кто ещё ходит по утрам. А потом позвонили ещё, и ещё.

Я попрыгал открывать.

А там Шолпан.

Вместо школы пришла. Прогуляла. Вдруг. Ой.

Я и обрадовался, что она пришла. И расстроился. Как-то нацелился уже один пострадать, а тут... И лень было изображать радушного хозяина.

Но и не пришлось.

— Лежи, ничего не надо, чего ты!

И я свалился обратно на свой диван. Она рядом села. И смотрит в окно, не на меня.

— Чего там у вас? — спрашиваю. Надо же как-то разговор завязать. Чего она молчит?

Но она не ответила. А потом сказала вот что:

— Это же не просто так, — сказала она. — Ты слишком быстро бежишь. Для чего-то тебе нужна эта остановка. Это не наказание, понимаешь? Остановка. Я, знаешь... Люблю в окно смотреть. Умею. Не все умеют. Тебе тоже хорошо бы научиться.

Меня и злило, что она меня чему-то учит. Терпеть этого не могу. И при этом нравилось смотреть, как она в окно смотрит. Всё же это удивительное качество в ней — может сидеть рядом и молчать.

Но потом я не выдержал.

— И чего, тебе не скучно так сидеть и молчать?

— Нет. Не скучно. Мне не бывает скучно. Ты тоже попробуй. Просто сидеть и смотреть в окно. Я тебя научу.

Я попробовал. Бред какой-то. Сидишь, как дурак.

— Я сейчас сдохну! — сказал я и открыл планшет.

— Убери!

Вообще уже!

— Ты чего раскомандовалась?!

Смотрит, улыбается. Молчит. Странная она всё же. Очень. Но планшет я убрал.

...Перед тем, как уйти, она опять сказала:

— Подумай, как использовать это время. Зачем оно тебе.

Вот зануда!

Не пойму прямо. С одной стороны, бесит. Что учит. С другой... Всё же это так необычно. Что она может просто смотреть в окно, и ей не скучно. И всё-таки она не дура. Это видно. Чего там, в голове у неё, о чём думает?

Я набрал в гугле: «Шолпан». Оказалось, это имя значит «утренняя звезда». Красиво.

А, и ещё забыл сказать. Она подарила мне фенечку. Плетёная из ниток фенечка, у нас в

художке многие с такими ходят. Из ниток. Нитки разные, но все зелёные. Просто разные оттенки зелёного. Красиво, как море. Или как лес. Она взяла и повязала её мне на руку. Я ужасно смутился — это вообще значит что, нет? Когда тебе фенечку завязывают?... Чёрт его знает, как у девчонок этих... Но как-то растерялся и ничего не сказал, заморозились все слова внутри.

* * *

— Ну, как оно? — спросила мама.

— Нормально, — сказал я. А что ещё скажешь? Хотя вообще дела хуже некуда. Я на стенку готов лезть. Задыхаюсь без движения совсем. Ну, они меня выводят на улицу, конечно. Посидеть на качелях. Но это как прогулка в тюрьме.

— А у меня тебе подарок, — сказала она.

Чего это может быть? Книжка. Шоколадка. Свитер. Чего уж такого можно подарить неходячему человеку.

— Вот, — сказала она. — Не знаю, зачем купила. Но мне показалось... Показалось, ты такую хотел.

Чёрный чемоданчик. Большое что-то. Что?...

Почему-то сердце забилось. Кажется, я знаю, что там. Не может быть. Не верю. Откуда она знает?!

— Ну, открой же, — сказала она. Тоже волнуется.

Я отщёлкнул два замочка и открыл. Да.

Сияет. Не золотом, серебряная. Я чуть не заревел. То есть не чуть, а заревел всё же. Как она узнала?! Никогда же не говорил, никогда!

— Я же не умею, — сказал я.

— Я поговорила с Лёней, он придёт, позанимается с тобой. Если хочешь.

— Лёня?... Это кто?

— Лёня, чёрненький такой трубач, у нас в театре работает. Здоровается всегда с тобой. Неужели не помнишь?

Это я-то не помню?!

Только вот что. Чего это она взяла и решила за меня? А если я не хочу! Взяла и купила сразу?!

— А чего ты меня не спросила? Думаешь, мне с моей ногой всё равно делать нечего, да? Дорогая ведь, наверное. А вдруг я бы не захотел?!

— Она не новая, Игнат. И потом можно в магазин опять сдать. Сдать?

— С ума сошла! Откуда ты только знала...

Конечно, сразу написал Костику: «мне купили трубу!!!!!!!»

«Какую трубу?» — не понял он.

«Настоящую! Играть!»

«Во что?» — опять не понял он.

Всё-таки он ужасный тормоз, Заяц.

* * *

Я болтаюсь по квартире со своим костылём. Довольно, кстати, ловко выходит. Туда-сюда да по коридору. Самый длинный маршрут — метров десять. Да какие десять, меньше, конечно. Ы. ЫЫ!

Как же мне тошно, просто ужас. Не могу здесь, не могу! Хочется разнести всю квартиру этой ногой дурацкой. Но шуметь нельзя, Лёвка спит. А то проснётся и начнёт меня доставать. Сегодня суббота, ему в сад не надо. Пусть спит. А мама куда-то ушла, по делам каким-то. И я один, один! Суббота, утро. Пустая Москва. А я! Сижу дома! Хожу дома!

Тюрьма. Там хоть прогулки... Мама придёт, выведет меня. На качельках покачаюсь, как маленький...

Не могу больше. А что делать? Хочется выпрыгнуть. Из организма своего дурацкого. Мне кажется, что там, внутри этого туловища, есть другой я, целый. И голова у того меня не болит, и я мчусь по набережной, по бесконечной набережной, набираю, набираю скорость, прорываю воздух, свистит в ушах.

Ложусь в коридоре. Прямо валюсь и всё, аккуратно укладываю ногу и лежу. Устал.

И тут ко мне приходит Лёвка. Я думал, он спит. А он нет.

— Иг Нат, — говорит он.

— Чего тебе.

— Ничего. Я в туалет.

— Ну и иди.

Он перелезает через меня, как медвежонок.

Я слышу, как он возится там, в туалете. Дёргает бумагу туалетную. Ага, разматывает. Ну и пусть. Наверное, полкилометра отмотал уже.

— К'утилка к'утится, к'утится, к'утится, — поёт Лёва. И так раз пятьсот.

— К'утилка к'утится-а, ка-ак... Как земной шаааар!

Ого. Ого. Вот тебе и Лёва. Глобально мыслит.

— Иг Нат!

— Чего тебе? Руки мыл?

— Нет! Нат! Нет! Нат! — о, это любимое, недавно появилось.

Я открываю глаза. И вдруг вижу, какой Лёвка огромный. Как марсианин. Марсианин, спустившийся на землю, и принёсший людям туалетную бумагу.

— Иг! Нат! Чего ты валяешься так п'осто. Как б'евно. Как бесполезная вещь! Давай ты будешь мумией! Давай! Я тебя замотаю, и ты будешь! Му-ми-ей! Муми, муми, мумией!

И я ломаюсь. И мы с Лёвой, с лучшим в мире братом начинаем хохотать, как никогда, и я валю его на пол тоже, и мы обматываемся этой бумагой.

— Муми-мумия! — кричит Лёвка.

— Муми-мумия! — кричу я.

Бац! — треснул ногой своей костяной о телефонный столик, посыпались карточки и монеты.

— Золото! — кричит Лёвка, — мумия нашла золото-о-о-о!

...Что бы я без него делал.

— Мам, ты не отдавай пока Лёвку в садик. Пусть он со мной. Ладно? Пока я дома.

— Я буду Иг Нату хлеб носить, — поддакивает Лёва, — ма-аслом мазать, а то кто ему намажет ещё? Не отдавай меня в садик!

— Господи, Лёва, — говорит мама, — я сейчас разревусь. Лёва!

Я, кажется, тоже сейчас разревусь. Лёва! Хочет за мной ухаживать!

— Дети, — вдруг говорит мама, — если с нами что случится. Вы ведь друг друга не бросите? А?

— Конечно, — говорю я, — мы пойдём по дворам; Лёвка будет петь, а я на руках ходить... О, мам, научи меня на руках? Подержишь за ноги?

— Ну вас, — говорит мама и смеётся.

А, кстати, не мешало бы на руках. Раз на ногах никак. Прямо сейчас начну учиться.

* * *

Когда лежишь дома. Уроки делаются быстро. И когда щёлкаешь по интернету всякую ерунду, и начинает болеть голова. И тут бы почитать, но Лёвка дёргает всё время, и голова уже всё равно болит.

И вдруг я нашёл смешное видео. Как сложить футболку за 3 секунды. Ну, ничего такого смешного нет. Но реально: чик, три секунды. И она сложена. Аккуратненько так. Фокус. Какой-то китаец показывает.

Я допрыгал до шкафа, вывалил оттуда ком футболок. Сначала не понял, а потом дошло: главное схватить её, футболку, за две нужные точки. Геометрия в чистом виде. Одна точка на плече; а другая — примерно в районе селезёнки, если эту футболку надеть. Что?

Не знаете, где селезёнка? Повалешься вот так с ногой и свободным доступом в интернет. И сразу обретаешь кучу совершенно бесполезных знаний.

Но я отвлекся. В общем, реально в три секунды — шлёп!

— Лёва, смотри!

Я складывал и складывал, а Лёва смотрел открыв рот, молча. Потом стал доставать мне из шкафа всё. Я сложил все футболки, свои и Лёвкины. А Лёвка умудрился целой стопкой в шкаф затолкать, не разрушив моей красоты и архитектуры. Вернее, сначала разрушив; но мне-то что! Три секунды на штуку, и готово! Даже жалко, что все футболки и свитера так быстро закончились.

— Игнат. Что это? — спросила мама. То есть она Лёвкины вещи убирала и увидела архитектуру эту, у нас общий шкаф. А чего, нечего в мои вещи смотреть!

— Это я такому в интернете научился. Смотри!

Показал. Она восхитилась.

Хотя вообще мне неприятно было, что она увидела эти мои сложенные вещи. Сейчас скажет: о, наконец-то! Ты бы ещё видео нашёл, как ботинки мыть!

— А в этом твоём интернете нет видео, как ботинки мыть?

У-у-у-у. Как можно быть такой предсказуемой, она же художник! А потом ещё вечером и говорит:

— Может, испечь чего? К тебе же девушка придёт, да, Игнат?

Я чуть не вывалил все эти вещи из шкафа обратно. Ну, я понимаю, абстрактные взрослые. Они — это понятно. Но моя мама! Она же не все! Почему она тоже так плоско мыслит! Убрался — значит, девушка придёт. Не понимают, что у человека могут быть гораздо более интересные вещи в жизни!

— Селезёнка, селезёнка, селе-селезё, лезё! — поёт Лёвка.

— Mam, знаешь, где у человека селезёнка?

Не знает. А ещё взрослый человек, художник!

* * *

А потом приехал папа. И купил машину. Я и не знал, что он умеет водить. И он стал меня возить в школу, и из школы, и в художку. То есть вообще везде, как шофёр. И сказал ещё, что как гипс снимут, он меня научит водить. А я не знаю — хочу или нет. Машина круто, конечно. Но мне так хочется ногами уже ходить, бегать!

На Новый год мне сняли гипс, но на ногу наступить ещё было нельзя. И папа увёз нас в Финляндию на неделю. Мы там жили в маленьком домике на берегу озера. И вокруг — никого. Мама с Лёвкой ходили на лыжах (Лёвка неожиданно круто научился на лыжах, сразу поехал). А папа сидел дома и работал. А я тоже сидел и смотрел в окно, на это огромное озеро заледеневшее. И впервые в жизни мне никуда больше не хотелось, так бы сидел и сидел. Ну и

труба, конечно. Труба это вещь. Они втроём уходили, а я занимался. А то когда они дома — невыносимо, говорят. Надо потише научиться. А тихо на ней сложно как раз. Если сильно — то сразу какой-никакой, но звук. А подуешь тихо — не берётся, сплошное шипение.

Но вообще мне нравилось и без трубы. Такая совсем-совсем тишина. Сидишь, слушаешь её. Я, кажется, начал понимать, чему хотела научить меня Шолпан.

* * *

Он читает и смеётся. Что это?

Мой блокнот. Мне хочется его ударить.

— Это что, твои стихи? — спрашивает он.

— Что ты смеёшься? — спрашиваю я в ответ. Очень тихо спрашиваю. Он меня знает 13 лет. Должен понимать, что это моя ярость. И нельзя шутить с этим.

— Ну, вот это — хаски в консерватории... Извини, ты это всерьёз, что ли?

Я молчу.

— Я и не знал, что ты пишешь стихи, — говорит он примирительно.

— Я не пишу стихов, — отвечаю я. — Я стихов не люблю и не понимаю.

— А... это тогда что?

— Я не знаю, — и это совершенно честно. Я правда не знаю.

— Но это же твоё?

— Да, — отвечаю я. Потом забираю у него блокнот. Он держит крепко, но я прямо выдираю из рук, и он сдаётся. Я прав. Это моё.

— Извини, — вдруг говорит он виновато.

И вдруг, в эту секунду, я перестаю чувствовать злость.

— Я никогда не писал стихов, — говорит он вдруг очень серьёзно, — не умел. А хотел. И вдруг ты... Завидую даже. Извини, я не знал, что это тайна.

— Это не тайна, — говорю я. И зачем-то добавляю почти шёпотом: — и это не стихи.

* * *

Минус двадцать.

— Ты с ума сошёл! — говорит мама. — Нашёл время! Заморозишь детей!

Это она не мне говорит, а папе. А он отвечает:

— Минус двадцать — это ерунда. Оправдание.

Я же говорю, он полярник. Полярник-любитель. Тащит нас гулять.

То есть Лёвка сам пойдёт, а меня реально придётся тащить ведь. Но он решил. Спорить бесполезно. Я, кстати, рад. Три дня дома, невыносимо.

Заварил чай в термосе. Крепкий, с сахаром. Ногу мне одеялом замотали, обувь пока нельзя надеть.

— Подождите, я с вами, — говорит мама, и, вздыхая, натягивает лыжные штаны.

Мы спускаемся в лифте, и папа на плече несёт меня вниз по ступенькам, чтобы быстрее.

И вдруг мы видим их. Дворников.

Они сидят в нашем подъезде под лестницей. У батареи. Молча сидят. Как замёрзшие большие птицы. Без крыльев. Совершенно закованные. Они греются тут, в холодном подъезде. И мне как-то жутко от того, что они молчат. Будто нет сил на разговоры. Люди из южных стран, как же им тут холодно!

Папа аккуратно ставит меня на пол, на здоровую ногу.

— Здравствуйте, — говорит он этим людям. Двое поднимают головы, кивают. Остальные так и сидят.

— Ассалому аллейкум, — говорит папа. И добавляет несколько слов на чужом языке.

Головы поднимают все, заулыбались. Ой, молодые совсем; а я думал — старики...

Папа достаёт из рюкзака термос.

— Оставьте пустой здесь, — говорит он по-русски.

— Спасибо, — отвечает самый маленький, бородатый. — Какой квартира? Принесём.

Папа отвечает им. Они наливают чай в крышку, идёт пар. Передают друг другу, пока не пьют, просто смотрят на пар, улыбаются. Заговорили тихонько, отмерли.

Мы молча выходим на улицу. Мы идём гулять. Да, я с костылём, но это пройдёт. И я буду ходить, где захочу. А они?...

— Может, новый чай надо нам сделать? — спрашивает мама.

— Ладно, — говорит папа, — зайдём в этот ваш с Лёвкой «Макдональдс».

Лёвка подпрыгивает чуть не на высоту своего роста.

— Это какой язык был?

— Узбекский, — отвечает он.

— Откуда ты знаешь его?... И как ты понял, что они узбеки?...

— Обижаешь, сын. Антрополог я или кто. Языка я не знаю, конечно, но пару слов на многих могу сказать.

И не так-то и холодно эти минус двадцать. Когда ты не голодный и дома тепло.

* * *

В школу меня папа привозит, а там я сам скачу с костылём по лестницам, вверх легко; но и вниз научился. А наши мне иногда помогают рюкзак носить.

Мы стоим втроём, с Яшей и Костиком, и чего-то так это смешно. Я вишу на своём костыле, научился так ловко стоять и немного качаться на нём Яшка рассказывает, и мы хохочем.

И вдруг мимо проходит Тонька. И лицо у неё какое-то такое... Нехорошее. Убежала куда-то вверх.

Мы так и трепались, и я даже смеялся, по инерции как-то. А перед глазами Тонька. Чего это с ней?

— Я сейчас, — сказал я и отвалился от них. Костику махнул рукой, что не надо мне помогать, сам.

Поскакал вверх тоже. На последнем этаже никого нет. Я, наверное, выдумал чего-то.

Мало ли у кого какое лицо. Но я же Дине обещал. Присмотреть за ней. На всякий случай попрыгал по коридору, в дальний закуток. Там подоконник. И на нём да, Тонька сидит. В окно смотрит.

— Тонь! Случилось чего?

Послала меня. Ух, как мужик прямо. Да, значит, случилось. И опять в окно смотрит. Не плачет. А как-то даже хуже. Я остановился в двух метрах. А потом шагнул костылём ближе.

— Ты не понял, что ли, Волков? Вали!

— Тонька! Ты совсем уже, что ли?!

И она заплакала. Ну, так. Глаза помокрели. У Тоньки?! Завопил звонок. Опоздали, всё равно уже. И я её обнял. Не понял, как так вышло. Взял и обнял. Как-то испугался за неё очень. И она... Обнялась. Ну, не отпихнула меня.

А потом отпихнула всё же, костыль отлетел.

— Уйди. Не понимаешь?!

— Костыль подними мне, — попросил я. Тоже, кстати, способ. А чего она вообще. Человек без ноги, а она пихается.

Подняла, сунула в руки.

— Извини, — сказала. — Только не вздумай сказать кому. И не лезь больше, получишь.

— Тоня, — сказал я. — Я не лезу. Ты же не дура, понимаешь. Мне просто... Я не лезу. Но мне на тебя не наплевать, понимаешь? Понимаешь, нет?

— Правда не наплевать? — вдруг шёпотом спросила она.

— Правда, — сказал я.

— Тогда... Игнат. Не смей больше лезть. Терпеть не могу. Ведь по фейсу можно схлопотать. Просто... посиди со мной. Хреново мне.

— Я вижу, — сказал я.

Мы сидели на окне. Молча. Весь урок. А потом пошли на перемену, как обычно. И на физику. И никто меня не спросил, где я был, только Заяц моргнул — всё нормально? Я кивнул. И Тоньку тоже никто не спросил, ну, кому какое дело до неё.

Вечером пришла эсэмэска с незнакомого номера. «Спасибо». И всё. Так и не знаю, Тонька это или нет.

* * *

Маме предложили работу. То есть настоящую работу. В другом театре. Сделать спектакль, детский. Но самой. Быть не подхвате, а — художником спектакля. Она, оказывается, давно хотела. И давно рисовала. И у неё в компьютере есть папки. Такие, незаконченные.

Декорации для сказок Андерсена, например. Или для «Трёх Апельсинов» Прокофьева, это опера такая. Там у неё всё — и костюмы, и декорации, и занавес. Но так, наброски. А тут предложили. Целиком сделать. Современную пьесу.

— Не знаю, не возьмусь, — сказала она. Мы сидели ночью на кухне. Вдвоём. Папа опять уехал. И она показывала мне свои работы. А я и не знал, что она правда, правда так давно мечтает об этом: сделать самой.

— Почему нет?

— Не знаю, Игнат. Не потяну пока. Надо же сосредоточиться. Только на этом. А времени мало совсем. Ведь тот, другой художник, отказался именно потому, что и времени в обрез, и денег нет... И выйдет, как в сельском клубе. Не хочу так. И больше уже никуда не позовут. И я не могу. Ладно; вот вы вырастаете, тогда и начну.

Я вдруг понял, почему.

— Мам. Ты... Ты боишься, да?

— Боюсь, — сказала она. — Да, боюсь сделать плохо. И времени нет...

Я вдруг понял, почему.

— Мам. Ты... Ты боишься, да?

— Боюсь, — сказала она. — Да, боюсь сделать плохо. И времени нет...

— Есть, — сказал я. — Ты не прячься за нас. Мы уже выросли, понимаешь? Давай. Ты хорошо сделаешь, я точно знаю. А то... А то потом не возьмешься. Потом не будет. И будешь жалеть. И... Давай уже, делай! Что ты, как тряпка, мам! Кто делает, как не ты!!

Она засмеялась.

— Дожила. Мотивируешь меня, значит?

— Да. А то будешь всю жизнь! На подхвате! В твоём возрасте, знаешь! Наполеон был императором Франции! А Шуберт! Шуберт вообще уже умер. А ты! ... Что ты думаешь, нам всё носы надо подтирать, да?

— Да. Ты прав, Игнат, дело не в вас. Просто я всю жизнь думала: я театральный художник. Мне бы шанс! Я бы! Такое им! И тут. Вот он, шанс. И мне страшно. Что на самом деле... я ... обычная серая бездарность...

Это она думает, я ей сейчас буду доказывать обратное, да?

— Знаешь краткое пособие для начинающих?

— Какое?

— Начните, — сказал я. — Прямо сейчас. Давай.

* * *

Равноденствие. 22 марта. Мне исполнилось 14 лет.

Я иду сам, ногами. Пока с тросточкой, но иду. Один. Как давно не был один! Иду, дышу.

Кончилась зима. Непростая моя зима. Тает всё, течёт. В луже валяется палка. Какая смешная, две ветки торчат, будто эфес шпаги. Был бы я с Лёвкой, поднял бы. А сейчас трудно наклоняться.

Подходит маршрутка. Но я не хочу, нет. Хочу сам. Я прибавляю шаг. Чуть-чуть. Но всё же, всё же. Это моя самая первая скорость, сколько могу. Но я набираю ход.

Снег идёт. И солнце. Это такая удивительная редкость, чтобы и солнце, и снег.

И в голове включается. Опять. А всю зиму была тишина.

Равноденствие в снегу
И пишется на бегу
Само, без моего участия.
Такой сомнительный вид счастья.
К чёрту шутки,
Мокрый снег лучше маршрутки.
Успею, если прибавить шаг.
Кто-то потерял шпагу,
Маленький паж зимы
Сегодня вдруг «я» без «мы»,
«Я» отдельное,
«И» обратное,
Снежное, солнцеворотное,
Столько света. Больно глазам.
Свет сегодня зам
Радости, или для чего там живут.

Нужна ещё одна строчка. Дышат и пишут. Поют? Жуют? Ждут. Берегут.

Не знаю. Я остановился, поэтому кончились слова. И я ведь знаю, что это плохо: рифма глагол-
глагол. Но я не умею по-другому. Я не знаю.

И потом, это не стихи. Или?...

Topreading.ru